Анна ДАШЕВСКАЯ

КАСТРЮЛЬКА
с неприятностями

Анна Дашевская

Кастрюлька с неприятностями

«Анна Дашевская»
2025

Дашевская А.

Кастрюлька с неприятностями / А. Дашевская — «Анна Дашевская», 2025

У Лизы фон Бекк необычная профессия: она специалист по запахам. Лиза живет спокойно и скромно, подбирает пряности для блюд в ресторане «Олений рог», что в Верхнем городе Люнденвика, и ведет дневник. Вот только почему-то в дневнике скромной воспитанницы монастырской школы однажды появляется запись об отравленном бульоне. Дальше – больше: она нанимает на работу привидение и получает приглашение на королевский бал, ее похищают загадочные злодеи и оставляют в заколдованном районе города…Необычные нити вплетаются в полотно этой истории, и, уж конечно, не обойдется здесь без магии. И без любви…

© Дашевская А., 2025
© Анна Дашевская, 2025

Содержание

10 сентября 2183 года 5
11 сентября 2183 года 14
12 сентября 2183 года 19
24 сентября 2183 года 23
25 сентября 2183 года 27
26 сентября 2183 года 37
27 сентября 2183 года 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Анна Дашевская
Кастрюлька с неприятностями

10 сентября 2183 года

Все-таки идти на работу пешком и к четырем часа дня существенно приятнее, чем к девяти утра добираться любым видом общественного транспорта.

Тротуар вымощен розовыми каменными плитками, вдоль него высажены липы, с которых еще не полностью осыпались золотые листья; двери лавочек на бульваре периодически распахиваются, обдавая идущих то запахом свежих булочек с корицей и кардамоном, то ароматом новомодных духов и пудры, то сладкой свежестью апельсинов.

Можно сказать, что от дома до работы меня ведут не только глаза, но и запахи…

Потому что, собственно говоря, запахи – это моя профессия. Я – нос.

Эта особенность моего организма выяснилась довольно рано, когда я только начинала говорить, года в полтора. Я с закрытыми глазами отличала маму от бабушки и папу от дядюшки Ф. Ну, а как же иначе – ведь все они пахли по-разному! Бабушка – яблоками, мама – ванилью и медом, а когда сердилась, мед становился горьким и насыщался нотками черного перца. Папа с утра пах лавандой и можжевельником, а вечером приносил домой резкий запах лошадиного пота, дубленой кожи и свежей травы. Дядюшка… ну, с ним сложно. Он пах книгами, пергаментом, горящими свечами – но еще почему-то грозой, хвоей и солью.

Ладно, что тут вспоминать, вся моя семья оказалась далеко, на другом конце немаленького континента, так уж вышло…

В раздевалке меня встретила Майя, единственная, кого я могла назвать подругой в этом городе. Глазищи у нее горели зеленым кошачьим светом от распирающих ее новостей.

– Ты еще не в курсе! – нет, это был не вопрос, это явно было утверждение. – Я сейчас от новостей лопну! Давай переодевайся, я тебе все расскажу.

Я сняла уличную одежду, быстро приняла душ и пробежала через сушилку, после чего стала неторопливо надевать униформу – белые рубашку, комбинезон и шапку, под которую убрала волосы. Майя приплясывала рядом в нетерпении.

– Идем, идем скорее, у нас есть первая чашка кофе! – она тянула меня за рукав.

Ресторан еще был закрыт, открывается он с восьми часов вечера, только на ужины. А пока столики в зале не накрыли белоснежные скатерти, пока не расставлены цветы и не зажжены свечи, персонал может пообедать и выпить чашку кофе.

– У нас будет новый шеф! – выпалила Майя, едва мы сели.

– И что? – поинтересовалась я, выбирая печенье посуше. – У нас уже давным-давно ожидается новый шеф, с тех пор, как Дэвид ушел на дворцовую кухню. Хотя, на мой лично взгляд, стоило бы отдать нас под командование Фреда, и ничего лучше не придумаешь.

– Ты не понимаешь? У нас СЕГОДНЯ будет новый шеф. Через полчаса приглашают на кухню знакомиться! – Майя со стуком поставила чашку на блюдце. – Ну что ж ты такая деревянная, а?

– Через полчаса все мы так и так будем на кухне – тебя ждет крем для пирожных, а мне надо подобрать пряности к оленине. А, кстати – где Норберт?

– В кабинете, разумеется, как раз и ведет беседу с новым ше-ее-ее-фом!… – последнее слово было моей неугомонной подругой почти пропето.

В общем-то, неудивительно, что она так радовалась – при том уровне конкуренции, который существует среди ресторанов в нашей столице, трудно выжить, не прикрываясь лавровым

венком кого-нибудь именитого. А вдруг, действительно, чудо, и к нам придет новый Брийа-Саварен?

– Ну, отлично, тогда пошли. В восемь ресторан должен открыться, и никто из клиентов не будет ждать, ты же знаешь! – Я забрала с собой грязные чашки, донесла их до посудомойки и отправилась в свою кладовую.

Все стены небольшой прохладной комнатки были закрыты деревянными стеллажами, на полках которых стояли бесчисленные банки и баночки с притертыми пробками. Отдельный стеллаж занимали ступки: деревянные, из твердой и гладкой оливы – для можжевеловых ягод и зерен кардамона; фарфоровые, купленные в магазине химреактивов – для кристаллов морской соли, для зерен зеленого и розового перца, зернышек горчицы черной или же желтой. Сверкали полированными боками мельницы, терки для мускатного ореха, ложечки и ножички…

Сухие травы для готовки я, разумеется, хранила в плотно закупоренных стеклянных банках, но не могла отказать себе в ежедневном удовольствии, и развесила у дальней стены несколько пучков особо ароматных трав: пажитника, лимонного сорго, несколько веточек кафф ира…

Это было мое царство вот уже четыре года, с того самого дня, когда мы с Норбертом поспорили, зацепившись языками на какой-то необязательной вечеринке у общих знакомых, смогу ли я опознать вслепую все пряности, которые он найдет на кухне своего ресторана?

Ну, разумеется, спор он проиграл, не так их было и много на его тогдашней кухне, различных пряностей. На тридцать втором образце – как сейчас помню, это был орегано – Норберт поднял руки и сказал:

– Сдаюсь! – Все присутствующие зааплодировали, а он добавил – И прошу леди осчастливить мое скромное заведение, приняв под свою руку нашу кладовку ведьмы!

Не знаю, почему я согласилась.

То есть, нет, знаю, конечно – хотя я и не нуждалась в заработке, сидеть без дела было скучно. Я не веду активной светской жизни, не увлекаюсь оздоровительными практиками, у меня нет детей или мужа, и постепенно мое свободное время стало меня просто съедать. Иной раз я не могла вспомнить, чем же занималась весь день. Так что идея поработать в ресторане, да еще и быть при любимом деле, была принята на ура. С тех самых пор эта комнатка, отделанная теплым золотистым деревом, стала моим вторым домом, заполнилась постепенно моими любимцами и находками, инструментами, результатами экспериментов и тетрадями с записями.

Сегодня в нашем меню гвоздем было сезонное блюдо – оленина. Несколько дней назад официально начался сезон охоты на оленя, и Его Величество Кристиан II, главный охотник страны, открыл его, недрогнувшей рукой застрелив громадного красавца. Размеры оленя, вес, размах рогов, а также изображение анфас и в профиль за эти дни многократно растиражировали газеты и Сеть.

Ну, а поскольку наш бывший шеф-повар, Дэвид Бочковски, царил теперь на главной кухне королевского дворца, то и ресторан (называющийся, кстати, вполне в тему – «Олений рог») мог похвастаться в ближайшие дни блюдом из королевской оленины.

Мое же дело было – подобрать к этому блюду достойные пряности.

Я открыла притертую пробку и задумчиво поворошила пальцами можжевеловые ягоды в стеклянном сосуде. Одна или все-таки две на порцию?

Ну, с остальным понятно – розмарин, сычуаньский перец… Да, и, пожалуй, немного апельсиновой цедры для желе из красной смородины!

Отобрав нужные пряности, я плотно закрыла все емкости и вышла из своей комнаты. У плиты командовал Фред, а он любит получать все необходимое заранее, чтобы не спохватываться в последнюю минуту. Вот ведь, еще и неизвестно, как будет работать новый шеф, какие у него будут капризы. А что капризы будут – это можно и к гадалке не ходить, без этого звезд-

ных шефов не бывает! Упомянутый уже Дэвид, например, терпеть не мог тимьян. И никогда не готовил с ним, сколько бы я не рекомендовала…

Я притормозила возле плиты, где на маленьком огне булькал бульон. Что-то в его запахе показалось мне странным.

– Фред?

– А? Что? – Наш шеф писал и подсчитывал что-то в крохотном блокноте; интересно, от чего же я оторвала его. – О, это ты, Лиза, вовремя! Где пряности для оленины?

– Уже все готово. А скажи мне, что за бульон у нас сегодня? Ты варил?

– Я, конечно! Варил, процеживал, ставил на заморозку – все я, у нас других кухонных мальчиков нету!… – так, если это не прекратить, то вместо ужина посетители ресторана получат сегодня текст ламентаций о трудной жизни шеф-повара.

– Фред, с бульоном что-то не так. Он странно пахнет, я такого запаха и не слышала никогда.

– Не может быть! – Фред сунул нос в кастрюлю, принюхался и задумчиво посмотрел в окно. – Да, странно. Сейчас попробуем, в чем там дело….

– И это называется «порядок на кухне»? – вступил в разговор новый голос от двери. Неприятный голос, скажу прямо. Такие голоса чаще всего бывают у капризных закормленных подростков. – Что здесь вообще происходит, и почему посторонние толкутся возле плиты?

Ответом на это был грохот, плеск разлившейся жидкости и глухой стук.

Увы, Фред успел-таки попробовать подозрительный бульон…

Через сорок минут, когда скорая помощь увезла беднягу Фреда, слава всем богам, потихоньку приходящего в себя; когда полицейский расследователь уже начал вызывать сотрудников по одному в кабинет Норберта, ставший теперь местом проведения следствия; когда белый от злости и волнения Норберт вспомнил, наконец, что нужно повесить объявление о временном закрытии ресторана и посадил Майю обзванивать клиентов, забронировавших столик… словом, когда вся эта фантасмагория постепенно стала утихать, я вспомнила, наконец, про незнакомый голос.

– Слушай, а кто это был? – поймала я Норберта за рукав.

– Где?

– Мы с Фредом обсуждали проклятый бульон, и кто-то ввалился в дверь и начал орать. Только я так и не поняла, кто же это был, как-то не до того стало сразу. Пухлый такой коротышка в фиолетовом, похож на Родрика XVIII– глаза навыкате.

– А! Так это был господин Ландорсэль, наша новая звезда. – Вспомнил, наконец, Норберт.

– Звезда моей печали… Он точно «Ландорсэль»? Что-то не очень он на эльфа похож, ни статью, ни голосом не тянет. Где ты его взял?

– Рекомендовали. Скажем так – ОЧЕНЬ рекомендовали, так что отказаться не получилось. Ну, понятно, от эльфийской крови там может быть одна восьмая, просто был господин Ландор – а потом то-се, деньги, нежная дружба с главой столичной службы регистрации, и имечко удлинилось. Обретя эльфийский суффикс…

Н-да. На чем же поймали Норберта, если он согласился взять шефом такого сомнительного типа? Или я слишком нервно реагирую?

Впрочем, не мое это дело. Но вот чувствую вторым по чувствительности (после носа) органом, что огребем мы неприятностей еще и с этим недоэльфом…

– И куда он делся? – поинтересовалась я. – Неужели сбежал навсегда?

– Ну, его первого допросили, поскольку он тут вроде бы пока посторонний, и отпустили. Не знаю, рассчитывать ли на него теперь…

– Знаешь, я бы, на всякий случай, на него не рассчитывала ни в каком случае – даже если он вернется. Как-то он не вписывается в это блюдо…

– Тухлый? – хмыкнул Норберт.

– Похоже на то, – и мы согласно ухмыльнулись.

– Госпожа Лиза фон Бекк! – со всем усердием проорал от двери рослый полицейский в блестящем шлеме.

– Ну, вот и мой черед, – я со вздохом поднялась и отправилась на допрос.

– Госпожа фон Бекк? – не поднимая головы, спросил полицейский, сидящий за рабочим столом в кабинете Норберта. От двери я видела только его русую макушку, освещенную настольной лампой, да левый погон черного мундира. Погон был насквозь золотой, видно, немалый чин этот следователь.

– Здравствуйте. – Я не стала дожидаться приглашения и села в кресло. – Да, я Лиза фон Бекк. Спрашивайте.

– Это Ваше родовое имя? Где и когда Вы учились?

– Я… – тут я задохнулась, потому что полицейский чин поднял голову, и я увидела широкую улыбку и знакомые серые глаза Дэна Паттерсона, старины Дэна, моего друга детства, – Не может быть! Дэн!!!

– Но-но, мадам, берите выше – Глава столичного управления безопасности господин майор Паттерсон! – и Дэн, вскочив, обежал вокруг стола, чтобы сдавить меня в объятиях.

Мы не виделись лет десять, с тех самых пор, как разъехались из нашего городка в разные стороны, чтобы завершить образование – Дэн в Королевской Военной Академии, а я, как полагалось девице из хорошей семьи – в монастырь святой Бригитты. А знакомы были, можно сказать, почти с пеленок. Ну, уж с песочницы-то точно. Дэна его родители привели на мой день рождения, когда мне исполнялось три года. С тех пор мы были, что называется, «не разлей вода». И если случалась какая-то неприятность в маленьком тихом городке Вицнау, что спрятался в горах, далеко к югу от Люнденвика, то почему-то в первую очередь всех вокруг интересовало: «Где эти кошмарные дети?»

Интересными дорогами нас вело, если обоих вынесло в итоге вот сюда…

– Ну, рассказывай, – велел Дэн, усевшись снова за стол. – Какой Темный принес тебя на эту галеру?

– Я здесь работаю, – пожала я плечами. Вот кому врать я не смогу, так это Дэну: и про мою семью он все знает, и сколько у меня лежит в гномьем банке, наверняка представляет себе. Да и характер мой ему хорошо известен.

– Ты работаешь? В ресторане? Зачем?

– Ну, а что я должна была делать? Возвращаться домой я не хочу, светская жизнь меня не интересует, магия мне теперь недоступна. А здесь я – нос. Работаю с пряностями, вкусно ем. У меня здесь друзья…

– Ладно, я понял. Это ты обратила внимание на бульон? – вернулся Дэн к самой важной теме.

– Да.

– Почему?

– Потому что я нос! Он не так пах, как должно! Аромат хорошего бульона – чуть сладковатый и очень насыщенный, а уж бульон для консоме, который варит Фред, вообще пахнет сказочно! А от этого тянуло чем-то кисловатым и неприятным…

– Хорошо, предположим… А если бы господин Борнлиф не попробовал этот бульон, что бы с ним делали дальше? Кто-то еще пробовал бы его до подачи?

– Ммм… пожалуй, нет. Рецепт испытанный, мы такое консоме подаем уже три года; кастрюлю просто отставили бы в сторону и разливали по заказу. Погоди… то есть… выходит, что нельзя было заранее сказать, кому первому в тарелку попадет этот подарочек? – Я схватилась за свой медальон; ну, вот такая привычка еще с детства, когда напряженно думаю, кручу в пальцах образок святой Эрменджильды. -

Получается, напакостить хотели не Фреду Борнлифу, а ресторану, то есть, Норберту Редфилду!

– Вот именно…. – Дэн хотел добавить что-то еще, но меня снова осенило.

– Погоди-погоди! А если еще учесть, что его, Норберта то есть, вынудили взять на работу в качестве шеф-повара сущее недоразумение, получается, что кому-то мешал ресторан? Но это же чушь! Ну, подумаешь, ресторан, даже популярный – их в Люнденвике десятки и сотни. – Я перевела дух. – А что было добавлено в бульон, уже известно?

– Пока нет, исследуем.

– Нет, погоди, я задала неправильный вопрос. Запах был совсем другой. И мы можем установить момент, когда это что-то было добавлено.

– Я не понял, – Дэн смотрел очень внимательно. – Почему, поясни?

– Потому что этот бульон готовится по особому рецепту. Не буду рассказывать подробности, это Фредова страшная тайна, но важный момент – что готовый бульон процеживается, замораживается и потом оттаивает в леднике при плюс четырех градусах; ну, такой способ очистки. Размораживается долго, больше суток, все это время никто на него не смотрит. Но ведь в ледышку яд никак не добавишь? Значит, или отравили, пока бульон варился, или добавили яд в момент между полной разморозкой и началом работы, правильно?

– Наверное, да, я мало что смыслю в варке бульонов. А скажи мне, где у вас ледник?

– В дальнем коридоре справа. Слева деревянная дверь, там мое хозяйство – а напротив металлическая, за ней царство холода. Но там магический замок…, – да, тут мне самой стало смешно. На всякий магический замок найдется не менее магическая отмычка.

– Ясно. Ну, хорошо, госпожа фон Бекк, королевское управление безопасности благодарит Вас за сотрудничество.

– А ресторан?… – спросила я с тревогой.

– Пока будет закрыт до особого распоряжения. Неофициально говоря – дня на три – четыре.

– Ясно… Ты Норберта уже отпустил?

– Владельца? – Дэн кивнул. – Да, я с ним говорил и сказал, что он свободен, но думаю, никуда он не ушел.

– Хорошо, пойду с ним поболтаю. И, Дэн…

– А?

– Если будет возможность, держи меня в курсе. Хотя бы чтобы знать, надо ли опасаться – и чего…

– Ладно… – протянул задумчиво Дэн. И, зная его, я могла быть уверена, что он прикидывает, как можно использовать наше давнее знакомство для ускорения расследования. – У тебя есть личный коммуникатор?

– У меня только личный и есть, – усмехнулась я. – Буду ждать.

Норберт и в самом деле все еще болтался в кухне. Да и не только он – Майя сидела у кондитерского стола и выстраивала фигуры из ядрышек фундука; Судзуки с непроницаемым лицом разгадывал кроссворд в газете, напечатанной иероглифами; Хаким каждые пять минут выглядывал в окно, как будто гигантская акация, что росла здесь уже лет триста, могла уйти погулять. В общем, все были при деле. Хорошо еще, что официанты должны были появиться к половине восьмого вечера, и, соответственно, хотя бы их встревоженные физиономии перед глазами не будут маячить.

– Что слышно из больницы? – задала я общий вопрос.

– Ничего пока. Ну, то есть, желудок Фреду промыли, жить будет. К нему вызывали королевского медика, мэтра Карсинэля, эльфы же лучше всех с отравлениями работают, – ответила Майя. – А что сказал наш полицейский?

– Он не полицейский, он безопасник. Так что мы с вами, дорогие мои, вляпались в дело, касающееся высших вопросов безопасности. Ничего внятного он не сказал, как можно догадаться. Велел всем быть в пределах досягаемости. В конце концов, это я первой унюхала ту неизвестную гадость…

– Душа моя, – Норберт прекратил бессмысленное кружение по кухне и остановился передо мной, – если бы ты ее не унюхала, то мы вполне могли бы на основе этого бульона сделать соус к оленине, например. И подать клиентам.

Тут он реально схватился за голову.

Нет, вот ей-богу – я всегда считала это выражение вполне умозрительным: ну, как бы такой символ полного отчаяния. Но Норберт действительно держался за голову и даже, кажется, готов был ею побиться об стену…

– А кстати, насчет оленины! – сказала я бодро. – Ведь не гнить добру! Даже если нас откроют через три дня, мясо может и не дожить. Ну ладно, мы его, конечно, закроем стазисом, но вкус-то уже будет не тот, а? Ведь можем же мы для поддержания сил того… по кусочку… а?

Хаким оживился и полез на полку за любимой сковородкой, а я достала желе для соуса. В конце концов, не пропадать же приготовленным пряностям.

Мой коммуникатор засигналил очень поздно вечером, практически ночью. Я, конечно, еще не спала: при моем графике работы я раньше трех не ложусь, но к звонкам после полуночи все равно отношусь неодобрительно. С другой стороны, этот неожиданный звонок вполне может быть связан с бульонными приключениями…

Отвечу, пожалуй.

– Слушаю? – экран я оставила темным; с какой бы стати мне показываться неизвестно кому в шелковой пижаме с гигантскими розами?

– Лиза, это я. Ты дома? – да уж, неожиданность. Звонил мне Дэн Паттерсон. Майор Паттерсон. – Можно, я зайду?

– Дома, конечно, давай. Через сколько тебя ждать?

– Да, собственно, я уже здесь, возле калитки…

– Ну, если ты переживешь мой вид в пижаме, то я открываю дверь. – Я нажала кнопку, отпирающую вход во двор.

Мой дом нельзя назвать особняком, в нем всего два этажа, чердак и подвал; или, считая по-другому – три спальни, гостиная, кабинет-библиотека и кухня. Но это по-настоящему хороший дом в хорошем районе, и я его выбрала и купила сама. В моей жизни это был второй осознанный полностью самостоятельный выбор – первым случаем я считаю отъезд из Вицнау сюда, в Люнденвик, когда вся семья отправилась в Сиам.

Я почти никогда не открывала дверь посторонним и даже не вполне посторонним, но пришедшим без приглашения. И дело даже не в старой поговорке «Мой дом – моя крепость». Просто у каждого человека должно быть место, где он может остаться один. Кому-то хватает для этого стола и стула в библиотеке, ну, а мне вот дом в самый раз.

Сквозь цветное витражное стекло входной двери тенью маячила высокая фигура Дэна. Я помедлила мгновение и приложила ладонь к магозамку. Со щелчком дверь отворилась.

– Кофе дашь? – Дэн не утруждал себя приветствиями – в конце концов, не так давно виделись. Не так давно, как в прошлый раз, ага.

– Дам, конечно. Сейчас сварю. Проходи, садись вот у камина, – я не стала бросать в пасть камина магический огненный шарик, а добросовестно разожгла дрова – настоящие дрова и настоящей спичкой. Впрочем, труда это не составило, и огонек мгновенно побежал по горке тонко наколотых поленьев. – Можешь курить, если хочешь.

Варка настоящего кофе – процесс небыстрый: смолоть зерна, залить холодной водой, согреть в горячем песке до подъема тонкой пенки, дать слегка отстояться… Все это занимает

немало времени, и, когда я вернулась в гостиную с подносом, Дэн спал в моем любимом кресле, откинув голову и уронив на пол незажженную сигару.

Я поставила поднос на стеклянный столик, налила кофе в чашку тонкого чинского фарфора и аккуратно поднесла ее к носу спящего. Конечно, через мгновение Дэн, истый «кофеман», приоткрыл глаза.

– О! Это я что, задремал?

– Ты попросту уснул, мой дорогой, – я усмехнулась. – И даже слегка похрапывал. Пей кофе и рассказывай. Ты ж с информацией ко мне пришел, а не просто кофе попить?

– Хм. Берешь быка за рога? Да, отвык я с нашими придворными дамами от прямых вопросов… Ну, ладно, слушай. Во-первых, ты была права – наш маг в Службе безопасности смог установить, что отраву добавили в момент между полным размораживанием и началом нагревания. Как ты считаешь, в какое примерно время этот кусок ледяного бульона полностью растаял?

– Я думаю, что ваш маг назвал время полной ликвидации кристаллической структуры льда, но ежели без науки, по опыту… Думаю, часам к шести – семи утра. Так?

– Молодец. В шесть пятьдесят исчез последний ледяной кристаллик.

– Ага. А Фред поставил бульон прогреваться, я думаю, часа в четыре дня?

– Именно. Он так сказал, и маг это подтвердил.

– Но пришел шеф в ресторан раньше, он всегда приходит часа в три – полчетвертого и начинает готовить ужин для персонала. Вернее, не так. Первый раз он появляется рано утром, между шестью и семью, чтобы рассовать по холодильникам купленные утром свежие продукты.

– То есть? Получается, что Борнлиф приходит на работу дважды?

– Именно так! – Я глотнула кофе и поморщилась: переложила мускатного ореха. – Рынки работают до десяти – одиннадцати утра, но те, кто хочет купить хорошую рыбу или мясо, появляются там не позднее шести, ну, семи часов. Фред закупает рыбу, мясо, травы, свежие овощи – словом, то, что не хранится долго, и привозит в «Олений рог». Распихивает по кладовым и уходит домой спать.

– Хм, интересно! А если его нет? Ну, не знаю, в отпуске, например…

– Вообще-то, в отпуск мы все уходим одновременно, когда ресторан закрыт, в августе. Но если, например, Фред болел, то на закупки отправлялся Норберт.

– Ага, ясно. Значит, Борнлиф был в ресторане около семи утра, надо уточнить время.

Дэн сделал пометку в блокноте, а я подумала, что сказала что-то лишнее. Ладно, будем надеяться, что майор Паттерсон будет действительно расследовать это дело, а не искать козла отпущения.

– Не знаю, кто сегодня появился раньше – Фред или Норберт. Я добралась до работы в четыре, и оба уже были на месте и переоделись. То есть, у нас есть промежуток между семью утра и тремя часами дня, когда ресторан пустовал.

– Именно, – повторил Дэн. – Но, вообще-то, мы можем еще сузить этот промежуток. Камеры наблюдения были выключены с одиннадцати до одиннадцати сорока.

– Все камеры? – мой вопрос не был праздным: дело в том, что я, по секрету ото всех, даже от Майи, установила на кухне и возле двери в мою комнату две собственные камеры, они же датчики движения. Причем с магической составляющей. О чем я и сказала Дэну. Приятно было посмотреть на его глаза, принявшие классический размер «по восемь пенсов».

– Ты тайком поставила камеры наблюдения? Поясни, зачем?

– Потому что трижды я обнаруживала, что в пряностях в моей кладовой копались. Причем старались привести все в тот же вид, какой и был до их, так сказать, «визита». И еще: нужно учесть, что, если кому-то из персонала, пусть даже не повару, а любому официанту или уборщице, понадобились бы пряности, они всегда могли придти ко мне и сказать. Я бы помогла подобрать, рассказала, как употребить, и дала нужное количество. Ну, конечно, если не брать

в расчет самую дорогостоящую экзотику, которую Норберт покупает буквально на вес золота, типа шафрана или мускатного цвета. А это значит одно из двух: или копался чужой, или это был свой – но не желавший свой интерес афишировать.

– И сегодняшние записи со своих камер ты еще не смотрела??? – Дэн вскочил с кресла.

– Дорогой мой, – промурлыкала я, – если ты разобьешь эту чашку, тебе придется покупать целый сервиз, потому что в продаже их больше нет.

– ЛИЗА!!!

– Смотрела, смотрела, – махнула я рукой. – Передача с камер идет и записывается на мой коммуникатор. Но только это ничего никому не даст. Смотри сам.

На экране коммуникатора двигался размытый серый силуэт. Нельзя было даже понять, женщина это или не сильно высокий и некрупный мужчина.

– Он вошел в ледник в 11.05 и пробыл там двадцать пять минут, – сказала я. – Я не понимаю, что можно и нужно было делать в холодной комнате с небольшим количеством еды столько времени???

– Наверное, когда мы узнаем это – узнаем и все остальное… – задумчиво произнес Дэн.

– Ладно, – встрепенулась я. – А во-вторых?

– Что – во-вторых?

– Ты сказал «Во-первых, ты была права». Это предполагает, что должно было быть, как минимум, во-вторых. А может быть, и в-третьих, и так далее.

– А-а! Да, действительно. Во-вторых, я хотел сказать, что мы даем разрешение открыть ресторан послезавтра. К сожалению, информация попала в Сеть и в вечерние газеты… ты еще не читала, какие пируэты накрутили наши акулы пера вокруг этого досадного происшествия?

– Нет, – лениво отозвалась я. – Но могу себе представить. Особенно если учесть, что уже целую неделю никто не слышал никаких амурных новостей из дворца. Кто расстарался больше всех, «Вестник Люнденвика» или «Вечерний Королевский Глашатай»?

– Пока опережает «Вестник» – им сливает информацию кто-то из госпиталя святого Панкратия, где лежит ваш повар. Поймаю этого информатора – все ноги повыдергаю. Но господа журналисты интригуют изо всех сил и щедро сыплют догадками. Поэтому сегодня никто, и в том числе ваш господин Норберт Редфилд, не может предсказать, отшатнется ли публика от ресторана, в котором чуть не убили повара, или наоборот, толпой ринется на место преступления.

– Это все понятно, – отмахнулась я от прогнозов. – У меня другой вопрос: скажи мне, а зачем все это было проделано? Понятно уже, что Фред просто неудачно прошел мимо кастрюли с неприятностями и вовсе не был целью. Но кто-то же был?

Дэн поставил кофейную чашку на столик и помолчал, причем я бы не стала держать пари, обдумывает он, что именно можно мне сказать или же какую лапшу лучше повесить мне на уши.

– Я полагаю, – медленно проговорил он, – что целью являлся и продолжает являться господин Редфилд. Но вот кто и почему открыл на него охоту – пока сказать не могу.

– Не можешь или не хочешь?…

– Лиза, вот честное слово – не знаю.

– Ну, хорошо, тогда скажи хотя бы – почему такое заурядное дело о попытке убийства расследует не обычный уголовный инспектор, служащий городской стражи, а цельный майор и глава столичного Управления безопасности? Этого ты не можешь не знать!

– Ох, Лиза… – Дэн тяжело вздохнул. – Ты ж не отстанешь, пока не вытянешь ответ?

– Боюсь, что ты прав! – я глядела ему прямо в глаза. – Не отстану!

– Расследование поручено мне, потому что господин Норберт Редфилд внесен в белый список Управления безопасности.

Я присвистнула. Белый список! Это что же получается, если учесть, что в верхний, (красный, самый главный список государства) входят члены королевской фамилии и только они, а белый является вторым по значимости!..

– Что я о нем не знаю? Он герцог инкогнито? Эльфийский посол? Или глава гильдии тайных убийц?

Дэн лишь многозначительно поднял брови.

11 сентября 2183 года

Норберт позвонил мне на следующий день утром.

Да, все правильно: Фреду не повезло во вторник, десятого сентября, а в среду, одиннадцатого, коммуникатор просигналил в немыслимую рань – в одиннадцать утра.

Ну, а как еще назвать это время для человека, возвращающегося обычно с работы в три-четыре часа утра?

Естественно, нынче ночью, после ухода Дэна, я еще долго не спала – прикидывала, как пойдут теперь дела у ресторана? Конечно, слухи и сплетни дело временное, но, вылетев один раз из модной обоймы, можно туда уже никогда и не вернуться… Ничто не бывает столь преходящим, как мода. И это в полной мере относится к моде на рестораны. Вот года два назад в Люнденвике с шумом и помпой открылся ресторан степной кухни “Varvarian” – ну, и где он теперь? Кажется, на том месте торгуют шляпами… Так что, лично мне не хотелось бы, чтобы «Олений рог» закрылся, вряд ли я найду другую такую комфортную работу.

И кому мог так помешать наш тихий Норберт?

Что там говорят обычно великие детективы: Is fecit cui prodest – сделал тот, кому выгодно?

Кстати, интересно, в самом-то деле, а что я вообще знаю о Норберте Редфилде? Включен в белый список, ну надо же!

Знаю, что его дата рождения – двенадцатое января, это всем нам известно, поскольку в этот день ресторан открыт только для «своих». Знаю, что Норберту сорок четыре года, что он беззаветно любит кулинарию, оперные арии для меццо-сопрано и гравюры с изображениями рек и мостов. Еще он собирает фигурки овец, им отведено почетное место в его кабинете в ресторане. Знаю, что у него есть дом здесь, в Люнденвике, совсем рядом с «Оленьим рогом», и вроде бы еще загородное поместье, где живет его … сестра? Матушка? Какая-то родственница, в общем.

Упс… все, больше ничего не знаю. Даже не знаю, был ли он женат, потому что в последние четыре года, по моим наблюдениям, он женат на ресторане.

Все это не имело никакого значения, пока нас всех не впутали в уголовное расследование.

Итак, в одиннадцать утра мой – да-да, тот самый, личный – коммуникатор просигналил каким-то хриплым, так и хочется сказать – преступным голосом. На экране я увидела Норберта, совершенно обыкновенного: в белой рубашке с кружевным жабо, с крупным сапфиром в мочке правого уха; серебристые волосы завязаны в хвост, за спиной виднеются корешки книг и большой экран компьютера.

– Не разбудил? – поинтересовался он.

– А если бы и разбудил? Все равно уже пора вставать… – от души зевнула я, – У тебя что-то срочное?

– Ну, можно сказать и так. Мы завтра возобновляем работу, было б хорошо, если бы ты приехала сегодня как обычно. – Вот вроде бы и обычным голосом он говорит, но видится на дне глаз какое-то не то принуждение, не то неуверенность. – Надо меню обсудить, по закупкам пройтись. Фреда-то еще с декаду не будет.

– Хорошо, буду вовремя, как обычно, – и я с тяжелым вздохом отправилась начинать новый день.

Некое дежа вю – как и вчера, в дверях меня встретила Майя. Только глаза у нее уже не горели весельем, какое уж тут веселье…

– Какие новости? – поинтересовалась она. И сама же ответила, – Хотя, что спрашивать, все мы тут примерно в одном положении.

Конечно, я могла бы похвастаться, что вчера в ночи принимала в своем доме ведущего следователя, и вряд ли это нанесло бы непоправимый удар по моей репутации – но ведь обещала помалкивать…

– Ты Норберта уже видела? – спросила я, вешая мокрый плащ. Сентябрь, начинаются дожди, прощай, хорошая погода…

– Нет пока, он в кабинете на телефоне, просил не беспокоить. Придет на кухню сам.

На кухне было непривычно тихо – плиты погашены, ребята не стучат ножами и противнями, не гудит миксер, не пахнет тесто. Я, по привычке, свернула к своей комнате, но, пройдя несколько шагов по коридору, махнула рукой и вернулась к кондитерскому столу. Майя продолжила вчерашнее высокоинтеллектуальное занятие – выкладывала по столу узоры, только на сей раз из миндаля, а не из фундука. На высоком барном табурете сидел наш метрдотель Джонатан, очень непривычный в джинсах и джемпере вместо ежевечернего смокинга. Выглядел он растерянным не меньше нашего, если даже не больше. Наверное, все-таки больше: вчера-то его не было при всех событиях, благо его рабочий вечер начинается с семи, за час до открытия ресторана.

– Я вот думаю, – прервал молчание Джонатан, – какое счастье, что мы не работаем на время ланча! А то консоме досталось бы клиенту…

– Да уж, – кивнула Майя. – Весело получилось бы, что и говорить. А вот интересно, как мы теперь будем работать, по старому меню, или новое надо разрабатывать?

– Еще интереснее, придет ли к нам пресловутый новый шеф, или мы будем крутиться сами? – поинтересовалась я. – Никто Норберта не пытал?

– Не успели, – ответил Джонатан. – Ладно, давайте пока подобьем остатки, чтобы знать, чего у нас нет.

Выяснилось, что нет очень многого.

Все-таки вчера по кладовым прокатилась сперва волна экспертов, забравших на обычную и магическую экспертизу все, что могло иметь отношение к бульону; потом там попаслись оперативники – ну, и в самом деле, не голодать же людям? Я сама и делала им бутерброды, так что хлеб, паштеты, ветчину и всякий сыр нужно было закупать или готовить заново. Мясо (в том числе пресловутую оленину) и рыбу накрыли стазисом, но вот беда – вроде бы в стазисе ничто не портится, однако если хранить в нем свежие продукты более трех суток, они теряют вкус и аромат, и, например, нежнейшая бело-розовая нельма превращается в сухую мочалку.

Самое скоропортящееся, вроде ягод кармалии, которые через сутки после снятия с веток превращаются в малоаппетитную кашицу, мы просто выкинули, они даже в стазисе не хранятся.

Как раз к моменту, когда мы добили последний продуктовый список, в кухню спустился Норберт. Был он, вопреки всем нашим ожиданиям, весел и бодр.

– Ну что, отравители? – радостно спросил он, потирая ладони. – Как дальше жить будем?

– Полагаю, что безо всякого удовольствия, – мрачно ответила Майя. – Черта с два к нам теперь кто придет, можем переквалифицироваться в торговцев электролампами. Слово «отравители» не только ты произносишь, я уже газеты почитала, да и Сеть отрывается вовсю, обсуждая слухи и сплетни.

– Ошибаешься, милая! К счастью, ты ошибаешься, и благожелательных публикаций на сегодня куда больше, чем злобных. А главное – все они, эти публикации, будят в публике любопытство! Итак, информирую вас, мои дорогие, что на ближайшие три недели у нас расписаны все места, вплоть до столика под лестницей. Закупки и составление меню тащил на себе Фред – теперь придется, пока его нет, делать это нам вчетвером.

– А готовить тогда кто будет? – ужаснулась я.

– Разделимся. Мясо готовит Хаким, рыба на Судзуки, десерты, понятно, Майя. Салаты и супы возьми ты, Лиза, горячие закуски – я сам. Помощники, как и были, остаются общими.

– Погоди, а эльфийская кухня как? Оставляем тот же набор, который делал Фред, или вообще пока побоку? – спросила я.

Тут надо пояснить.

Хотя «Олений рог» считался рестораном преимущественно для человеческой расы, здесь нередко можно было увидеть эльфа или дроу. Гномы, понятное дело, ходили только в свои трактиры – да и готовить их пищу мало кто из людей умел; для меня, например, она была практически непереносима, столько пряностей добавляли гномские повара к любому продукту. То же самое относилось и к оркам. А если еще учесть их, орочьи, специфические вкусовые пристрастия, такие, как мясо только и исключительно с кровью, или чай с мукой, солью и жиром – не всякий хомо готов был заглянуть в орочий кабак. Так что степные блюда мы тоже в меню не ставили.

Говорят, пару раз видели в «Оленьем роге» за столиком и дракона – впрочем, я думаю, это так, для интересу рассказывали, потому что отличить дракона в человеческом облике от обычного хомо мог лишь маг, да и то не всякий.

А вот эльфийские блюда мы готовили.

Вообще обычную человеческую пищу эльфы не очень любят, хотя могут есть без урона для организма, им только шоколад категорически не подходит, вызывает страшнейшую аллергическую реакцию с отеком дыхательных путей. Кстати, вот что странно: полукровки, у кого один родитель эльф, а второй человек, шоколад едят спокойно, и не начинают немедленно задыхаться. Так вот, для эльфов наша пища столь же «перепрянена», если можно так выразиться, сколь для меня – гномская. Там, где Фред добавляет к оленине 2-3 ягоды можжевельника на порцию, эльфийский повар употребил бы одну – а то и вовсе заменил бы можжевеловые ягоды эльфийской приправой мелдор, являющейся смесью двадцати семи трав.

Люнденвикские рестораны высокого класса обычно включали в меню три – четыре специфических эльфийских блюда, которые, надо признать, не часто бывали востребованы – слишком пресные для людей…

При этом дроу, наоборот, предпочитали пищу более острую и пряную, чем человеческая, но и собственных заведений не открывали. Это, впрочем, неудивительно: невыносимо было бы для истинного дроу тратить свои лучшие годы, готовя еду для кого-то, каждый день одну и ту же, да еще и сидя на одном и том же месте в человеческом городе.

– Сколько эльфийских блюд мы обычно ставим в меню? – спросил Норберт у Джонатана.

– По сезону, от трех до шести. Больше всего летом и осенью, зимой эльфы в Люнденвик особо не ездят. Если только из посольских кто забредет, – отрапортовал тот.

– Ну, «Зеленые аллеи», как всегда, на тебе, Майя. – Она кивнула. – Лиза, а ты возьми на себя остальное эльфийское меню, пожалуйста. Я тебе дам рецептурный сборник, освежишь в памяти. И подумай, будем ли мы вообще с этим связываться без Фреда. Может, просто для эльфов добавлять меньше пряностей в стандартные блюда?

Обычно меню «Оленьего рога» обновлялось полностью с началом сезона, то есть, в конце марта, в конце мая, в начале сентября и в конце января. Но небольшие изменения в меню Фред вносил еженедельно. Он же расписывал закупки, свежие продукты выбирал на рынке сам, он же контролировал рецептуру и разбирался с неудачами. А в последние два месяца он еще и руководил готовкой, с тех пор, как Дэвид Бочковски, наш предыдущий шеф-повар, перебрался на королевскую кухню.

И вот когда Фред все это успевал? Мы вчетвером еле смогли управиться с рецептурой и закупками!

Но все-таки мы совместными усилиями разобрались с остатками и потребностями кухни, и в результате открываться решили с субботы. Новое меню приобрело вид стройный и убедительный, списки по категориям продуктов были написаны и переданы ответственным лицам, ну, а я забралась в кресло с увесистой книгой «Ma nin antatyë I yulma miruvorë», что перево-

дится с квенья приблизительно как «Прошу, передай мне кубок пенного меда». Это всего-навсего краткая книга эльфийской кулинарии. Краткая до невероятности, каких-то 800 страниц. Тащить домой такую тяжесть мне не очень-то хотелось, да и Норберт сильно напрягся по этому поводу: книга была редкая, подарок прошлого эльфийского посланника при королевском дворе в Люнденвике. Поэтому, пролистав том и выбрав несколько вариантов, я запустила в книгу заклинание-копировщик. Не задумавшись, не удивившись; просто произнесла мысленно нужные слова и сделала жест рукой.

И остолбенела – святая Эрменджильда, у меня все получилось!

Этого просто не могло быть: еще пять лет назад, когда я едва выжила после белой лихорадки, сожравшей половину моей семьи, мои магические способности были полностью заблокированы. Белая лихорадка распространяется только среди людей с магическими способностями не ниже третьего уровня, при этом не трогает некромантов, магов крови, и почти не задевает магов земли. Зато водяников и магов жизни убивает почти наверняка.

Никто не знает, почему я выжила. Скорее всего, сработала эльфийская четверть моей крови, о которой бабушка предпочитала молчать, сжав зубы. Ну, и в самом деле, ее можно понять; какая женщина будет довольна, если бывший муж через сорок лет после развода все еще выглядит на двадцать пять, не старше? А сколько моему деду лет в действительности, знают, наверное, только эльфийские летописцы…

Я выжила, но лихорадка унесла моих сестру и брата, тетушку Лидию (о чем никто не горевал сильно), и забрала мои магические способности.

Но вот вдруг из каких-то глубин моей памяти выплыло слово и жест, и это сработало!

Я раскрыла рот, чтобы завопить от радости – и сжала зубы. Нет уж, я помолчу. Слишком странные события происходят вокруг, чтобы открывать всем окружающим свои козыри без необходимости.

Сперва мне хотелось бы прояснить ситуацию.

У меня впереди было еще два дня до открытия ресторана, и я собиралась посвятить их не только посещению эльфийских магазинов столицы и покупке специфических продуктов, но и самому разнузданному сованию своего носа в чужие дела.

– Норберт, ты не занят? Можно?

– Что спрашивать, ты уже вошла, – буркнул хозяин кабинета.

– Я уже даже и сижу, спасибо большое! Я с вопросами, оторвись от экрана, – я точно знала, что Норберт не работает, а играет в модную компьютерную игру «злобные мухи», поразившую народонаселение Люнденвика, подобно какой-нибудь эпидемии. Ну, по крайней мере, ту часть населения, которая умела обращаться с компьютерами.

Вообще город наш – да и все королевство Бритвальд – довольно четко был разделен не только географически (то есть, Верхний и Нижний город, соединенные фуникулером), но и социально, и, как следствие социального разделения – психологически.

В Верхнем городе не только не чурались современных благ цивилизации, достижений магии и науки, но и всячески старались их продвигать. Конечно, немало значила позиция Его Величества Кристиана II, а он щедро субсидировал обе Академии, Магическую и Естественных наук, назначил солидные ежегодные премии своего имени за открытия в двенадцати важнейших областях науки, включил в свой Совет не только Королевского мага, но и ректоров обеих академий. Кроме того, именно дворец первым получал все новейшие разработки, как от магов, так и от естественников. Нужно ли говорить, что соперничество этих двух ветвей науки достигало порой необычайных высот?

Пусть соперничают и выдирают друг другу седые бороды в попытке доказать, какое из направлений науки важнее для королевства! Зато у нас были магические замки и светильники, компьютеры и фуникулер, магическая медицина и химические лекарственные средства, разработанные биомагией новые сорта растений, стазисные хранилища и коммуникаторы, экипажи

с магическим двигателем и поезда на электричестве. Выбирался более выгодный путь, и скрещения технологий и магических практик иной раз получались самые причудливые.

Нижний же город новинки принимал… ну, не то чтобы со скрипом, но очень неохотно.

Конечно, никто не возражал здесь против магических замков, но вот для освещения предпочитали использовать старомодные электролампы. Компьютеры же им казались и вовсе бессмысленными предметами, баловство одно…

С другой стороны, и правда, баловство. Вот кому ни глянь через плечо – а на большом экране всеми цветами переливаются «злобные мухи». Нет, чтоб древних философов читать…

– Значит, смотри, – продолжила я, дождавшись, когда Норберт с недовольным видом разгонит мушиную стаю. – У нас для меню намечены три эльфийских блюда, как мы записали. Я изучу рецептуру и попробую упросить Дэвида, чтобы он меня потренировал на них. Вот прямо сейчас и пойду.

– Давай, это разумно, – кивнул Норберт.

– Давай пропуск! – ну ясное дело, в королевский дворец не пускают кого попало. И я точно знала, что у Норберта постоянный пропуск есть.

Он возвел очи горе, но открыл сейф и пропуск выдал.

12 сентября 2183 года

Королевский дворец был возведен пращуром нынешнего короля лет восемьсот назад, в этаком классически дворцовом стиле «на все века»: стены с зубцами и башнями, стрельчатые окна, изгиб лестницы, которую охраняют мраморные львы. За восемь столетий его не раз достраивали, но общий облик дворца, если сравнивать с гравюрами и рисунками тех времен, изменился не сильно. Нынешний король Кристиан IIвнешний облик дворца тоже оставил неизменным, но внутри за двенадцать лет его правления поменялось многое, и прежде всего – порядки.

Предыдущий правитель, Адальберт V – дед Кристиана II, правил очень долго для слабого мага-воздушника, больше восьмидесяти лет. Его старший сын погиб вместе с женой, когда юному принцу Кристиану было лет шестнадцать, и загадочные обстоятельства этой гибели по сию пору запрещено было обсуждать и описывать – а лучше бы и не вспоминать. Я точно знаю, что ходили тогда слухи, будто постарался погубить наследника с женой младший сын Адальберта V, принц Георг – но точно в том же году принц Георг пропал в море вместе с флагманом королевского флота, линкором «Герцог Брекон-Биконс». Таким образом, после смерти старого короля власть досталась его внуку Кристиану, человеку молодому (ему к моменту коронации исполнилось всего двадцать девять лет), прогрессивному и весьма энергичному. Ах, да, что немаловажно – довольно сильному магу.

За двенадцать лет правления он полностью обновил Государственный Совет и половину Кабинета министров, издал ряд новых законов – чего стоил хотя бы закон о полном запрещении рабства и пожизненной ссылке на рудники за работорговлю!.. Еще Кристиан II существенно разбавил охрану из орочьих наемников, традиционно охранявших лично короля, магами и воинами дроу, разрешил свободное издание газет и журналов и подписал приказ о свободном въезде в страну и выезде из нее для всех желающих, не обремененных долгами или иными обязательствами.

Либерализм его простирался так далеко, что несколько лет назад во дворце стали издавать собственную газету – еженедельник с цветными фотоотчетами с балов и охот, объявлениями о сеансах написания портретов фрейлин очередным опекаемым живописцем и краткой информацией о свадьбах, рождениях и даже – о, ужас! разводах.

Словом, вполне приличный оказался правитель – не без закидонов, разумеется, но все в рамках нормы.

Какие закидоны, могут спросить любопытные?

Да минимальные.

Например, он всегда и везде одевался только в ахроматической гамме – черное и белое, ничего лишнего. Иногда это создавало трудности…ммммм… церемониального характера. Например, древняя церемониальная королевская мантия, ну, как положено, принадлежавшая пра-пра-прадеду Кристиана II, зачарованная лучшими магами на неснашиваемость, была из красного бархата.

Ну и ничего, прекрасно вышли из положения – красную мантию объявили национальной реликвией и отправили в сокровищницу, а для короля-эстета пошили аж две новых: черную повседневную, отделанную серебристой лисой, и белую парадную, с горностаями.

Откуда мне это известно? Ну, вообще-то в монастыре нас не только вышивать учили – курс этикета и манер давался в объеме пятнадцати часов в неделю! Почти столько же, сколько отводилось на химию и биологию, вместе взятые.

Еще до коронации Кристиан II женился на Клотильде, младшей дочери тогдашнего короля соседней (через пролив) Галлии, исключительно красивой зеленоглазой брюнетке, с удовольствием занимающейся не только благотворительностью и балами, но также опекавшей

театры, музеи и картинные галереи, музыкантов и поэтов. Детей в королевской семье было уже четверо, и, по слухам, намечался пятый.

Так вот, дворец был древний и, как следствие, не особо удобный для жизни.

Ворот на его территорию было, понятное дело, несколько.

Во-первых, Парадные ворота, которые открывались три раза в году в национальные праздники, исключительно для парадного выезда короля. В той самой белой мантии.

Во-вторых, Южные ворота, которыми пользовались придворные, члены Королевского совета и прочие служащие высокого ранга, а также гости дворца.

В-третьих, Охотничьи – они тоже открывались редко, как и Парадные; как следует из названия, именно через них отправлялась в луга и леса королевская охота.

В-четвертых, Соляные или Северные ворота, самые широкие и самые, наверное, используемые – сюда идут слуги, доставляются припасы, здесь проходят все те, кому не по рангу пользоваться Южными воротами. Идут сюда и ленивые, кому неохота обходить пару миль вокруг стен. Я причисляю себя к ленивым.

И, наконец, пятые ворота дворца, ворота Последней надежды, устроенные еще восемьсот лет назад над рекой и ведущие в королевскую тюрьму Рэйвенайз. Монарх у нас просвещенный, поэтому в этой страшной (по слухам) подземной тюрьме камеры давно пустовали. Однако ворота держали рабочими – кто знает, как жизнь повернется? Вон, всего лет двадцать назад, в конце правления его величества Адельстана, Рэйвенайз заполнили участники мятежа, пытавшиеся посадить на трон троюродного брата короля, герцога Камбрийского.

Думаю, понятно, что историю в монастырской школе вдалбливали в наши головы тоже добросовестно.

Итак, идти до Южных ворот мне было лень, поэтому я предъявила пропуск двум стражникам в кирасах, стоявшим на страже у Соляных ворот, прошла через процедуру сличения ауры и оказалась на территории дворца. Путь мой лежал на дворцовую кухню, к Дэвиду Бочковски. Мы с ним заранее договорились, что я приду в спокойное время, часов в двенадцать, когда желающим из числа придворных подается лишь легкий ланч, с приготовлением которого вполне могут справиться младшие повара.

Дэвид был поистине великолепен в белом колпаке с вышитой золотом короной и куртке с рубиновыми пуговицами в два ряда. С него можно было бы писать портрет Великого Шефа для выпускных экзаменов в кулинарном училище!

Конечно, он раскритиковал наш выбор блюд для эльфийского меню и даже расщедрился на объяснения: готовить сложно, ингредиенты дорогие и редкие, вкус для нетренированного человека мало отличается от стандартного меню для хомо.

– И вообще, – он посмотрел на потолок в приступе вдохновения, – вообще, плюньте вы на это пока что.

– В каком смысле – плюньте? – не поняла я.

– В смысле, на эльфийские блюда. Пока Фреда нет, чуть-чуть сократите меню, ничего страшного не будет. Оставьте только «Зеленые аллеи» из эльфийских десертов, там подача красивая и нестандартная.

Ну, еще бы, конечно, еще какая нестандартная! Десерт этот, мороженое с горячей серединкой, подается традиционно на льду (а в современных технологически оборудованных заведениях – на сухом льду, создающем этакое облако), а в ушах пирующего тем временем звучит знаменитая мелодия «Зеленые рукава».

Мы еще немного поболтали об «Оленьем роге» и общих знакомых, и я оставила Дэвида воспитывать младших поваров. Подозреваю, что процесс воспитания обеспечивался в равной пропорции приложением большой поварешки и чисткой овощей.

Попрощавшись с Дэвидом, я в задумчивости побрела по коридору. «Стоит ли терять время, – думала я. – Раз уж я попала во дворец, надо воспользоваться случаем. Поищу-ка я

библиотеку, был у меня когда-то там знакомый – господин Гловер, чудный, очень немолодой хранитель, приятель дядюшки Ф.. Помню, господин Гловер бывал у нас в гостях еще тогда, когда вся семья жила в Вицнау. А потом… потом неплохо было бы зацепиться языком с какой-нибудь из младших фрейлин для получения частной информации и сплетен. Потому что, как известно, нет лучшего источника сплетен и частной информации, чем эти блондинки в розовом и шатенки в голубом»

Хранитель королевской библиотеки господин Гловер был на месте, все такой же, как и десять лет назад, когда я видела его в прошлый раз: совершенно седой, худой и высокий, в длинной синей мантии и золотых очках, с рассеянной улыбкой. И он, вот приятно, не просто меня узнал – он мне обрадовался. Выспросив последние новости о родителях, родственниках, общих знакомых (никогда бы не подумала, что у меня ТАКОЕ количество родственников!), он выдал мне Бархатную книгу, подшивки дворцовых газет за последние шесть лет вместе с кучей пыли, и список фрейлин, в котором я с радостью нашла знакомое имя. Гвендолен Файролл, ну разумеется! Семь лет за соседними партами в монастырской школе! Оказывается, она не вышла скоренько замуж, подобно большинству наших соучениц, а перебралась в столицу Бритвальда и заняла место рядом с ее величеством королевой Клотильдой. Более того, именно мисс Файролл занималась приглашениями на балы, и, следовательно, просто обязана была знать обо всех трениях, любовных историях и различных неприятностях, которые хотя бы гипотетически могли бы испортить атмосферу королевского бала.

Желтая гостиная, где, как мне сказали, я могу найти мисс Файролл, была небольшой и очень светлой. Высокие окна со светло-желтыми легкими шторами выходили в парк, и остатки осенней листвы не заслоняли полуденного осеннего солнца. Гвен – или я теперь должна называть ее исключительно «мисс Файролл»? – сидела в кресле, держа в левой руке несколько листов бумаги, а пальцы правой в задумчивости дергали мочку уха.

– Мисс Файролл? – окликнула я негромко.

Она повернулась, мгновение вглядывалась в меня, не узнавая – и вдруг, взвизгнув, вскочила.

– Лиза!!! Господи, откуда ты здесь взялась? Покажись, дай я на тебя посмотрю! Ну, надо же, я сто лет тебя не видела, и вот только что, буквально только что тебя вспоминала!!!

После пары минут несвязных восклицаний, объятий, вглядывания в лица она усадила меня в кресло и сказала твердо:

– Ну, рассказывай.

Пожалуй что, Гвен мало изменилась за последние годы.

Вот странное дело – когда я гляжу в зеркало, я нахожу очень мало общего между невысокой, сероглазой, русоволосой и неприметной девушкой, отражающейся в стекле, и портретами пятилетней хохотушки, или двадцатилетней смеющейся студенткой с группового портрета выпускниц школы при монастыре святой Бригитты.

Ну, правда, совсем ведь другой человек!

А вот все люди из моей прошлой жизни, кого я встречала за последние два или три дня, словно только что оттуда, из того прошлого времени. Та же Гвендолен была в двадцать лет пухленькой смешливой блондинкой, обожавшей сливочное мороженое, котят и знаменитого менестреля Энвара Серебряного. В двадцать пять, возможно, котята заменились тигрятами из королевского зверинца, а Энвар Серебряный – Тианумиэлем Полночным, но моя школьная подруга по-прежнему была невысокой веселой блондинкой с лукавым взглядом, легкой походкой и приятным голосом.

Да и манипулятором Гвен осталась все таким же классным, что, полагаю, весьма помогало карьере при ее величестве.

Ну что же, день прошел плодотворно.

И главное – из кучи сплетен, оброненных замечаний и напечатанных объявлений я вынесла кое-что полезное. А именно – кто такой господин Ландорсэль, кто его продвигает (прямо таки пропихивает!), и почему ему так хотелось покомандовать именно на кухне «Оленьего рога».

Господин Ландорсэль был женат на старшей дочери главного мажордома двора, Макферсона. Дочь получилась не вполне удачная: ростом с сидящую собаку, почти как гномка, с плоским, будто блин, лицом и жидкими блеклыми волосами, она не была умна или особо глупа, не проявляла талантов ни в одной области… словом, мисс Гленда Макферсон легко описывалась словом «не». Когда Гленде исполнилось двадцать два года, ее родители приуныли, спихнуть девушку замуж становилось с каждым годом все более проблематично. Но тут неожиданно на Гленду упало благословение богов в виде солидного наследства от двоюродной бабушки, все свои сто двадцать лет прожившей в далеком Парсе, и внучку видевшей разве что новорожденной, в виде розового кулька с кружевами. А через пару месяцев возник на горизонте и господин Ландорсэль с предложением руки и сердца. Макферсон был фактически правителем всей парадной части дворца, и, как человек очень умный, не стал сразу брать новоиспеченного зятя на главную королевскую кухню. Зятю дали поработать год в одном из загородных поместий его величества, после чего решили осчастливить его стряпней какой-нибудь из столичных ресторанов.

Наш же «Олений рог» попал в список под первым номером уже из-за особенностей биографии владельца: оказывается, Норберт был-таки женат, хотя и недолго, года три. И бывшая его теща состояла в ближайших подругах мистрис Макферсон…

Ладно, поживем – увидим. Будем надеяться, что в списке Макферсона был не один наш ресторан, и чаша сия нас минует…

Попутно выяснилось, каким образом Норберт оказался занесенным в белый список: оказывается, его магическим Даром была способность к языкам. Всем известно, что иногда тем, кто не был одарен от рождения магическими способностями, доставался от судьбы и богов Дар. Это могло быть что-то неожиданное и не очень-то нужное. Ну, например, у одной моей соученицы в монастырской школе был дар по вкусу блюда определять его ингредиенты. Рассказывали мне о женщине, которая могла абсолютно точно воспроизводить пение любой птицы, или о молодом человеке, который мог объясниться с каждой кошкой. Причем только с кошками, на собак или львов его дар не распространялся.

Ну, вот, а Норберт Редфилд имел способности к языкам. И, чем сложнее и древнее был язык, тем легче он начинал на нем говорить и читать.

Не то, чтобы это было очень уж необходимым Даром, но все-таки королевству был важен человек, который может объясниться, например, с дварфами. Это раса, родственная гномам, но, в отличие от гномов, категорически отказывающаяся от любых контактов с иными разумными. Вообще любых, даже от войн. Поскольку жили дварфы в глубине пещер на одном-единственном острове в Северном море, никто особо не горевал от отсутствия контактов. Но мало ли, что государству может понадобиться в будущем? И человек, способный понять мрачных коротышек, живущих посреди холодного моря, считался для королевства Бритвальд особой ценностью.

24 сентября 2183 года

Неделю мы спокойно проработали, по мере сил замещая Фреда. Его уже отпустили из госпиталя, но пока рекомендовали отлеживаться дома и отпиваться травяными отварами.

Понедельник, 23 сентября, был в ресторане выходным. Норберт было заикнулся о внеплановом рабочем дне, а то запись на столики пошла уже на вторую половину октября, но мы в едином порыве эту инициативу отвергли; все-таки каждому добавился солидный кусок обязанностей к его обычной работе. Отдых всем был необходим.

А вот вторник начался с новых непоняток.

– Лиза, ты не знаешь, у нас мистрис Робертс не в отпуске? – спросил Норберт.

– Не знаю, мне она заявление не подавала, – ну да, я занималась еще и «кадровыми вопросами» в нашем небольшом коллективе. – А что?

– Судя по всему, она вчера не убиралась у меня в кабинете… Ну, ты ж знаешь, она всегда все фигурки переставляет по-своему. А на кухне убрано?

Фигурки – это та самая коллекция овец, которую Норберт собирает уже года три. Овечье стадо пополнялось и пополняется новобранцами из всех стран мира, разрослось до семидесяти с лишним штук, занимает отдельный шкаф в кабинете и является предметом особой гордости Норберта. Деревянные, каменные, плюшевые, набитые вишневыми косточками, стеклянные и керамические, всех цветов и размеров, овцы составляли композиции, понятные только самому пастуху. Несколько самых любимых овец стояло на письменном столе Норберта, справа от монитора, и каждый рабочий день он начинал с того, что, шипя и плюясь, расставлял в «правильном» порядке овечек, которых наша уборщица мистрис Робертс переставляла по-своему.

Не думаю, чтобы она вкладывала какой-то особый смысл в перестановку фигурок, скорее всего, просто они мешали ей вытирать пыль…

На кухне мистрис Робертс должна была помыть полы, собрать грязные полотенца и повесить новые, стереть пыль с полок и прочих горизонтальных поверхностей – кроме рабочих столов, которые мыли сами повара, и к которым никого не допускали.

Судя по влажным и запачканным полотенцам, на кухне она тоже не появлялась.

– Может, заболела? – неуверенно предположила Майя.

– Ты думаешь? Вообще-то, я за четыре года ни разу не видела, чтоб она болела. В августе она на три недели уезжает в отпуск, и я даже не знаю, куда. И все, остальное время она работает. Вроде бы.

– Лично я ее вижу раз в месяц, когда выдаю ей зарплату, – добавил Норберт.

Действительно, Норберт был среди нас самой ранней пташкой, приходил в ресторан аж к трем часам дня. Уборщица же имела собственный ключ, и около часу дня, убравшись и закрыв ресторан, уходила по своим неведомым делам. Я имела возможность в этом убедиться, когда как-то раз мне пришлось зайти на работу с утра, за забытым накануне кошельком.

– Она живет в Нижнем городе, так ведь? – спросила я.

– Да, на Ясеневой, в частном доме.

– Я сегодня все равно туда собираюсь в чинскую лавку, сычуаньский перец кончился. Могу зайти и спросить, что случилось, это в квартале от Ясеневой.

– Ну и отлично, – хлопнул ладонью по столу Норберт. – Выдай пряности на сегодня по меню и иди прямо сейчас.

Фуникулер доставил меня в Нижний город за считанные минуты. До лавки господина Сяна было от нижней станции минут десять неспешного хода.

Насколько мне было известно от него самого, господин Сян перебрался в Люнденвик из великого Бэйцзина много лет назад. И, хотя прижился он здесь не хуже любого другого иммигранта, уклад сохранил традиционно чинский. Впрочем, все его соотечественники – а

они населяли целый квартал в Люнденвике – носили шелковые халаты и длинные косицы, при разговоре часто кланялись собеседнику, предпочитали зеленый жасминовый чай самым прославленным сортам из высокогорной Бенгалии и были безукоризненно честными в делах, чем бы ни занимались. Чаще всего чинцы держали прачечные (и стирали отменно), ресторанчики с национальной кухней, особо любимые дроу, служили рассыльными, или, вот как господин Сян, держали лавочки с самым разнообразным товаром, от тканей и посуды до пряностей и чая. Я сама видела, как один из постоянных покупателей господина Сяна, имевший привилегию рыться в свежепривезенных сундуках, с криком восторга откопал длинный ящичек темного дерева, где на светлом бархате засветилась в утренних солнечных лучах необыкновенной красоты ваза перегородчатой эмали.

Меня же в лавке господина Сяна интересовали, в первую очередь, пряности – сычуаньский перец, галангал, листья лимонного каффира и зеленый кардамон. Но я не собиралась отказывать себе и в удовольствии покопаться в очередном сундуке с шелковыми тканями, вазами и загадочными плетеными коробками, мало ли, что найдется полезного. Или бесполезного, но совершенно необходимого!

Так что к дому мистрис Робертс по Ясеневой улице я подходила уже после шести вечера, когда почти совсем стемнело.

Дом был небольшим, одноэтажным, его окружал невысокий заборчик, за которым темнели кроны нескольких деревьев, яблони, судя по всему. Ну да, вон и яблочко в кроне осталось несорванное. Окна в доме светились, значит, хозяйка должна быть дома…

Звонка возле двери не было, и я постучала дверным молотком.

Дверь мне открыл крупный молодой человек. Очень крупный. То есть, честно говоря, с трудом помещавшийся в дверном проеме. Пожалуй, я бы занервничала, если бы встретила такого темной ночью в припортовом квартале…

– Здравствуйте! А можно ли увидеть мистрис Робертс? – вежливо поинтересовалась я.

– Нет.

Вот просто так – нет, и все. Да уж, его нельзя назвать болтливым…

– А-а-а… а может быть, мне придти попозже? Ее нет дома? – я все еще надеялась на инстинктивную доброжелательность собеседника.

Но не тут-то было. Он повторил свое «нет» и попытался закрыть дверь. В это время из дома раздался другой голос, женский и, вроде бы, женщины в летах.

– Марик, кто там?

– Ошиблись домом! – ответил нелюбезный Марик и попытался вытеснить меня с крыльца.

– Ничего я не ошиблась! – закричала я, и вцепилась в перила. Да что ж это такое, я ему что – куль с овсом? – Мне нужна мистрис Робертс, я с ее работы!

– С работы? – детинушка отлетел в сторону, как пушинка – хорошо, что мою руку перед этим выпустил, а то бы оторвал! – С какой работы? От леди Линнерс, или из трактира этого?

Передо мной воздвиглась совершенно потрясающая женщина. Ростом она была не меньше того самого Марика, а значит, головы на две выше меня; если прибавить к этому широченные плечи и бедра, ручищи… где-то там, под притолокой терялась громадная голова с рыже-седым пучком волос и неожиданно приветливым лицом. Глаза, зеленые, как молодая трава, были грустными и покраснели, будто женщина плакала.

– Ну… вообще-то из трактира. Из ресторана «Олений рог», то есть. Просто мистрис Робертс не пришла сегодня убираться, и вот… мы подумали… – последние слова я почти прошептала.

– Проходите, пожалуйста, – и женщина отступила от двери; Марек отирался за ее спиной, незаметный, как трехдверный платяной шкаф.

Я вошла не без опасений. Ситуация становилась совершенно непонятной. Где мистрис Робертс, и кто эти люди?

Женщина показала на левую дверь – ага, гостиная, по-видимому, – и предложила мне присесть в мягкое низкое кресло. Я покосилась на нее (надеюсь, что незаметно!) и, выдавив улыбку, села на краешек жесткого стула напротив нее.

– Меня зовут Лиза фон Бекк, я работаю в ресторане «Олений рог». Я бы хотела поговорить с мистрис Робертс, – повторила я, представляясь.

– Талина я, Талина Макдугал, сестра ее, – женщина опустила глаза. – А Марьяны нету. Вчера умерла в больнице.

– Ох! Примите мои соболезнования! А… что случилось с ней?

– Никто не знает. – Талина тяжело вздохнула. – Соседка прибежала ко мне, я-то тут через две улицы живу, и говорит – мол, у Марьяны свет горит, а полдень давно уже. А дверь не открывает никто, она стучала. Собак-то мы здесь не держим, шумно очень… Ну вот, у меня ключ был, мы открыли – она в постели лежит, лицо бледное, аж в зелень, почти и не дышит. Ясное дело, Марек за лекарем побежал, тот карету медицинскую вызвал, только все равно она в больнице умерла через пару часов, так в себя и не пришла.

– Ясно… Госпожа Макдугал, тогда я не буду отнимать ваше время. Вы, когда вам будет удобно, зайдите, пожалуйста, в «Олений рог», ваша сестра за последний месяц деньги не получала. Только не приходите раньше четырех часов. Адрес вы знаете?

Мистрис Макдугал кивнула.

– И о похоронах нас известите, пожалуйста – наш директор, господин Редфилд, наверное, захочет прислать цветы.

– Да, спасибо, так и сделаю, – она снова кивнула.

В дверях я остановилась и спросила:

– А как найти того доктора, который ее лечил?

– Не доктор он, просто лекарь, господин Йонссон. Он здесь же, на Ясеневой и живет – через четыре дома в сторону улицы Маковников, с синей крышей такой дом, и наличники резные.

Некая смутная догадка заставила меня пройти до дома лекаря, я надеялась, что в такое время, позднее для Нижнего города, он будет дома. Но господин Йонссон отсутствовал, и я оставила записку с моими координатами в руках его служанки, странноватой белесой девицы, косившей просто страшно.

Во вторник последний клиент ушел из ресторана уже так поздно, что можно было считать это ранним утром среды.

– Норберт, давай начинать в семь, а не в восемь, а? Иначе мы перейдем на полностью ночной образ жизни, – предложил Джонатан. – У меня жена уже забыла, как я выгляжу.

Ну, понятное дело – ему, бедняге, приходится тяжелее всех; мало того, что он все время на публике и должен держать лицо, так и уходит он последним. Я-то вообще могла бы оставить свой пост около полуночи, благо пряности все были расписаны, а салаты и супы я готовлю заранее. Но вообще наш метрдотель прав, мы так человеческий облик потеряем, отрастим вместо рук ножи и поварешки…

– Так ведь они будут раньше приходить, но все равно досиживать до рассвета! – хмыкнул Норберт, который тоже сидел до последнего клиента и даже при Фреде нередко брался за кастрюльку, а то и с подносом бегал. Сейчас на него, как и на всех нас, легла немалая дополнительная нагрузка

– Тоже верно… – Джонатан потер глаза руками и пошел к двери.

Норберт позвенел ключами:

– Лиза, ты домой? – я утвердительно кивнула. А куда еще я могу пойти в три часа ночи? – Тогда вот, держи кошель, и давай я тебя провожу. Завтра я с утра во дворец поеду, вызвали, а нужно будет в банк выручку сдать. Сделаешь?

– Сделаю, конечно, – я от души зевнула. – Пошли тогда уже, а то я тут и усну.

25 сентября 2183 года

Разбудил меня стук в дверь. В десять утра. Ненавижу!!!

Открыв один глаз – второй открываться никак не хотел, – я смотрела на совершенно незнакомого человека с длинными седыми волосами, завязанными в хвост. Потертая кожаная куртка, высокие сапоги, большая сумка на плече: я бы решила, что это охотник или путешественник, но пахло от него травами и лекарствами. И еще самую чуточку – болезнью.

– Госпожа фон Бекк? Здравствуйте. Мне передали вашу записку… Я лекарь, ну, лекарь из Нижнего города, с Ясеневой улицы…

– Господин Йонссон? Да-да, проходите, пожалуйста. Прошу извинить мой вид, я работаю допоздна, и еще не совсем проснулась… – я провела лекаря в гостиную. – Присаживайтесь и простите меня, я на минуту.

Минута растянулась на все десять, но, вернувшись в гостиную, я, по крайней мере, натянула штаны и рубашку, была умыта и смотрела на мир обоими глазами.

– Чай, кофе?

– Нет, благодарю вас. Госпожа фон Бекк, так чем я могу быть вам полезен?

– Спасибо, что так быстро откликнулись, господин Йонссон. Скажите, пожалуйста, ведь это вы лечили мистрис Робертс? Я работаю в ресторане «Олений рог», и она у нас была уборщицей. Мы волновались, что с ней случилось.

– Мистрис Робертс… Ну, собственно, лечить-то я ее не мог, там было сильнейшее отравление, просто сильнейшее. Я, разумеется, сразу вызвал карету из ближайшего госпиталя, ну, и постарался промыть желудок, насколько было возможно. Мистрис Робертс была без сознания, так что в одиночестве я немногим мог ей помочь. А мистрис Макдугал плохо сделалось, ее сынок на кухне отпаивал…

– Я поняла, спасибо вам. А в какой госпиталь ее отвезли?

– Ближайший у нас – святого Фомы, туда и отвезли.

– А чем она отравилась, неизвестно? – задала я последний вопрос.

– В госпитале исследуют, скажут точно. Но я так думаю – грибами. Ей накануне грибов привезли, я знаю, она жене моей говорила. А с грибами бывает всякое, знаете ли…

Я заплатила лекарю за визит и отправилась на кухню за вдохновением. Пожалуй, сегодня, чтобы проснуться, выпью пряного кофе по рецепту графини Эверсан-Валтер – с розмарином и базиликом. За чашкой кофе и рогаликом с медом я составляла план на сегодня.

Во-первых, отнести выручку в банк. Ну, это несложно, гномий Драхтаугалергн-банк, где Норберт держит счет «Оленьего рога», находится по соседству с моим домом, на меня и доверенность давно оформили.

Во-вторых, пожалуй, госпиталь святого Фомы – есть у меня там один знакомый, который поможет разведать, что же случилось с мистрис Робертс.

В-третьих, наверное, нужно позвонить Дэну и рассказать ему, что мне удалось узнать. Если бы он был только майором Паттерсоном, Главой столичного управления безопасности, ему все эти истории были бы не очень-то и неинтересны. Какое дело такой большой шишке до смерти какой-то уборщицы из Нижнего города? Но он был еще и Дэном Паттерсоном, моим другом детства. И знал, что почуять неладное я могу издалека, и не хуже, чем отличить запах тимьяна от розмарина. А сейчас мой нюх чувствовал, что история со смертью мистрис Робертс не просто связана с отравленным бульоном: все это будет иметь продолжение. Знать бы только, какое?

Ну, что ж, план составлен, а дальше видно будет.

Для начала я достала из сейфа и закопала поглубже в сумку мешочек с наличными и конверт с чеками. Тяжесть была небольшая: большинство посетителей расплачивались чеками

или магическими платежными картами. Лишь немногие по старинке носили с собой кошель с золотыми дукатами и серебряными гроссами.

Возле входа в Драхтаугалергн-банк стояли два охранника-гнома с громадными секирами. Если бы я когда-то не видела, как эти невысокие крепыши управляются с секирами чуть ли не с них ростом, в жизни бы не подумала, что от таких охранников будет толк. Вопреки расхожим представлениям, секиры они передо мной не скрещивали, а, чуть наклонив головы, дали пройти в дверь – огромную, в два моих роста, толстенную… Я думаю, если бы не зачарованный дверной противовес, мне бы ее ни в жизни не открыть.

Знакомый мне клерк, господин Свирфнедс, тщательно проверил кристалл с подписью, дающий мне право распоряжаться счетом «Оленьего рога», отпечаток моей ауры, подозвал кассира и дал указание принять деньги. Кассир пересчитал монеты трижды, проверил суммы на чеках и, наконец, с поклоном назвал депонируемую сумму – три с лишним тысячи золотых дукатов. Неплохо, за один-то вечер! Такое впечатление, что гости ресторана не только стали брать более дорогие блюда, но и резко увеличили количество заказываемого к ним вина, хмельного меда, крепкого келимаса с отрогов южных гор и даже гномьего самогона.

Пожалуй, надо будет сказать Норберту и нашему сомелье Бернару Лакомбу, что спиртное в погребах может закончиться быстрее, чем они ожидали! И еще надо увеличить количество закусок к вину и прочим спиртным напиткам: человек может быть сытым, и серьезных блюд не заказывать, а вот заесть гномий самогон ломтиком соленого сала с чесноком не откажется.

Ну что ж, с деньгами разобралась. Теперь в Нижний город! Меня ждет госпиталь Святого Фомы.

От остановки фуникулера до госпиталя было минут сорок пешего хода, начал накрапывать мелкий дождичек, и я подумала о кэбе. Вот только, как я ни крутила головой, ни одного не было видно, поэтому я тяжело вздохнула, натянула капюшон плаща поглубже на лицо и отправилась пешком. Через пару минут за спиной у меня раздался скрип колес и такой же скрипучий голос:

– Мистрис желает кэб?

– Да, отлично! В госпиталь святого Фомы, пожалуйста! – воскликнула я, и с радостью забралась в темную кабинку. Капюшон снова упал мне на лицо, и я так и не поняла, откуда на мою макушку свалился тяжелый удар…

Очнулась я, почувствовав сразу множество неприятных вещей.

Во-первых, зверски болел затылок. Во-вторых, пошевелить руками я не могла, из чего было понятно, что руки у меня связаны – к счастью, совсем не больно, чем-то мягким, и к тому же – впереди. В-третьих, было душно и пахло пылью, старыми книгами и почему-то ладаном, сразу очень захотелось чихнуть. Ну и, наконец, в-четвертых, вокруг было темно. Разумеется, я сразу открыла глаза: я же не герой авантюрного романа, который, очнувшись со связанными руками и подвешенный за ноги над пропастью, все же делает вид, что он все еще без сознания, дабы героически подслушать планы врагов.

Подслушивать было некого, потому что никаких врагов рядом не наблюдалось.

Ах да, было еще и в-пятых, страшно хотелось в туалет.

Ладно, будем разбираться с проблемами по мере возможности, раз уж они поступили все разом. Лежу я вроде бы на полу, хорошо, что на мне кожаные куртка и штаны…

Темнота была не абсолютная – какие-то струйки света пробивались между темными плотными шторами, закрывавшими, окно. А, поскольку по голове я получила утром, получается, что провалялась я без сознания не долго, день все еще в разгаре.

Ноги были свободны, кряхтя, я извернулась и встала, чтобы подойти поближе к свету. Мои запястья опутывала какая-то темная лента, подергав руками, я смогла ее довольно сильно растянуть, а потом и вообще снять. Ленту я свернула рулончиком и сунула в карман: мало ли,

вдруг пригодится? Встречу я, например, врага, повергну его богатырским ударом по темечку, и этой вот лентой и свяжу.

Ага, если какой-нибудь враг вообще соизволит появиться.

Такое впечатление, что меня сунули в темную комнату и заперли, чтобы не мешалась под ногами. А кому я могла помешать в последнее время? Не высовывается ли здесь хвост от истории с бульоном?

Так, минуточку!

Ведь мистрис Робертс приходила убираться обычно с утра – у нее были все ключи, и наутро она мыла полы, вытирала пыль и приводила в порядок кабинет Норберта, гардероб для клиентов и нашу раздевалку.

И наш бульонный диверсант был в ресторане с утра. Вот только я не знаю, в какое время уходила женщина. Обычно первым в «Оленьем роге» появлялся Фред, закупавший на рынке свежие продукты; он часов в восемь утра привозил и распихивал по холодильникам мясо, рыбу и всякий салат, после чего отправлялся досыпать. Если предположить, что мистрис Робертс около восьми приходила и начинала мыть… часа три у нее это должно было занять. Если не четыре. Получается, с восьми до полудня она каждый день была в ресторане в одиночестве.

То есть, уборщица вполне могла в это время впустить кого-то постороннего в ресторан. Или же, как вариант, могла сама всыпать нечто несвойственное в размороженный бульон?

Нет, всыпать не могла. Она была, конечно, с крупными тараканами в голове, но абсолютно честная. Скорее, возможен вариант какой-нибудь подруги – мол, ах, дорогая, я хочу посмотреть, где ты работаешь!

Тоже нет, это неестественно выглядит, так может разговаривать светская дама; или даже, скорее, дама, изображающая светскую. А мистрис Робертс работала уборщицей, и подруги у нее были наверняка такие же: женщины среднего возраста, всю жизнь занимавшиеся нелегкой работой.

Но Талина Макдугал что-то сказал про вторую работу – у леди Линнерс, так, кажется? И вот оттуда вполне могут расти корни этой истории.

Все, надо выбираться отсюда. Надо работать. Надо выяснить, кто такая леди Линнерс, и какое отношение она может иметь к испорченному бульону? Или не может.

Я повернулась спиной к окну и осторожно, чтобы не споткнуться обо что-нибудь, двинулась к противоположной стене. Стена была холодна и шершавая, двери не наблюдалось. Ведя руками по поверхности, я пошла вправо – ага, вот и она! Деревянная дверь, щели пальцами не прощупываются, и света за ней не видно. И тихо. Похоже, что никакие враги не собираются немедленно лишать меня чего-нибудь дорогого или страшно пытать, чтобы узнать рецепт приготовления десерта «Зеленые аллеи». Более того – похоже, что никаких врагов поблизости нету вообще!

Несерьезно как-то ко мне относятся, даже обидно.

Я избавилась от темных лент, опутывающих руки и размяла пальцы. Так, сперва попробуем зажечь свет.

– S´ilringa faina!

Неяркий голубой огонек зажегся передо мной. Ах, боги и демоны, как же вовремя ко мне вернулись магические способности! И как же приятно снова не только уметь, но мочь!

При свете я осмотрелась – довольно большая комната, спальня, судя по всему. Ну да, вон в углу темнеет кровать, даже и с балдахином. И почему, интересно, мои похитители не положили меня на кровать, а свалили на пол? Что я им, мешок с крупой? Сумку мою, кстати, не утащили, а аккуратно положили рядом со мной. И вот интересно, у меня вообще что-то в ней осталось?

Перекопав содержимое сумки, я была немало озадачена: ничего не пропало. Деньги в кошельке не тронуты, чековая книжка как лежала в застегнутом кармашке, так и лежит, рас-

писка из банка на месте. Ключи от дома, ключи от ресторана… Святая Эрменджильда, да они даже коммуникатор мне оставили! Ну, прямо как дети, честное слово.

Правда, коммуникатор не работает, но, может быть, тут стены глушат сигнал?

Хорошо, осмотримся в этой комнате.

Окно закрыто плотными шторами, как мы уже установили. Два кресла, небольшой круглый столик между ними. Стены светлые, зеленоватые или голубоватые, цвет не разобрать при этом освещении. Странно, пыли совсем нет, а уж на балдахине ее должны были собраться просто тонны. Можно предположить, что спальней этой пользовались не так давно. Ну-ка, посмотрим… я подошла поближе к кровати – да, застелена, и белье вроде бы довольно чистое.

Ладно, это лирика. Если это спальня, то при ней должны быть, пардон, удобства. Да, вот небольшая белая дверка рядом с кроватью, а за ней… Ура!

Через пару минут, вдохновленная встречей с отменно работающей канализацией, я вплотную подошла к вопросу: что у нас с дверью? Подергав ее, убедилась, что закрыто. На ключ закрыто, надо полагать, кто же будет ставить засов на дверь спальни снаружи? Ну что же, замок железный, а участь всякого железа – ржавчина.

– Linyenva asto! – с тихим шуршанием замок рассыпался в ржавую пыль, и я осторожно открыла дверь. Шарик света нырнул впереди меня в короткий коридорчик и осветил слева еще одну дверь, такого же темного дерева. Я потянула за ручку, и этот вход открылся свободно. Так, посмотрим, куда он ведет.

Вторая спальня, и явно женская: бежево-розовая гамма, какие-то флаконы на полочке возле большого зеркала. Окна тоже закрыты плотными шторами, интересно, почему такая нелюбовь к дневному свету? Только не надо мне рассказывать сказки про вампиров: во-первых, не поверю, во-вторых, по-моему, сама идея омерзительная. И вообще, про болезнь порфирию я читала.

Кстати, вот в этой спальне давно не убирались, зеркало явно запылилось. То есть, можно сделать вывод, что женщина сейчас здесь не живет. Ну, или ночует во второй спальне вместе с мужчиной. Вот только все мои выводы ничего не стоят без достоверной информации. А ее– то как раз у меня пока и нет.

Ладно, пошли дальше.

Короткий коридорчик вывел меня в следующий коридор, довольно широкий и длинный. Две первых двери были заперты, и я без особых моральных терзаний пустила в ржавую пыль и их замки. Совершенно зря, как оказалось: обе комнаты были совершенно пустыми. Зато и штор на окнах здесь не было, и я смогла выглянуть наружу.

Окно выходило в сад, сквозь кроны деревьев можно было разглядеть смутные очертания соседнего дома; ни одно окно там не светилось.

Немного поразмыслив, я вернулась в «свою» спальню и забрала сумку. Пусть при мне будет, мало ли что; если придется срочно удирать, может и случиться возможности вернуться за имуществом. Кстати, я брожу по неизвестному мне дому безо всякой опаски, а что, если появится хозяин? Я совсем не уверена, что он предложит мне чашечку чаю, вполне может и запереть, связав покрепче. Оружия у меня, конечно, никакого нет; с боевыми заклинаниями тоже плоховато, у меня способности к лечению и к бытовой магии. На всякий случай я еще раз покопалась в сумке. Так, а это что тут? В руки мне попался длинный и довольно гибкий предмет, что-то вроде прута, зарытого на донышке сумки.

Достав предмет, я какое-то время пялилась на него, потом меня осенило: это же кийога! Точно, этой весной в Люнденвике вдруг появился уличный грабитель, нападавший на молодых женщин поздно вечером и ночью. Поскольку возвращаюсь я с работы, именно что, поздно ночью, Норберт купил для меня эту вот телескопическую дубинку. Если ее встряхнуть особым движением, вылетает увесистая палка на пружине. Я тогда хорошо натренировалась ею пользоваться, но тут грабителя поймали, дубинка была закопана в сумку, и я о ней забыла.

Отлично! можно считать, что я вооружена на случай встречи с врагом во плоти.

Что там у нас дальше? Дом построен, судя по всему, в форме буквы П, и следующий кусок коридора от меня скрыт поворотом. Я аккуратно выглянула за угол и моментально спряталась обратно: коридор упирался в дверь, она была приоткрыта, и оттуда падал яркий свет. Более того, было слышно, как за этой дверью кто-то негромко напевает!

Значит, этот странный дом вполне жилой, и его обитатель в любой момент может выйти из той комнаты, поймать меня за шиворот и снова связать, только уже покрепче. Не знаю, зачем я своим похитителям понадобилась, но как-то не слыхала раньше, чтобы в связанном виде кого-то тащили к счастью.

Для начала надо спрятаться.

– Ava cen inye! – сказала я тихонько.

Отлично, невидимость должна продержаться десять минут. Что мне выгоднее – постараться сбежать за это время, или нейтрализовать того, кто там так спокойно напевает, и выяснить, что от меня хотели. Если я сбегу, не факт, что меня не догонят. И знать, зачем меня похищали, тоже было бы полезно. Ну, вот и решено: буду храброй. Для разнообразия.

Я подошла к двери и чуть увеличила щель, надеясь, что дверные петли смазаны. Не заскрипели, спасибо им большое.

Человек сидел за письменным столом и что-то писал в большой тетради. Потом захлопнул тетрадь, потянулся и включил компьютер. Заиграла веселенькая музычка, хорошо мне знакомая: я сто раз видела, как Норберт играет в «Злобных мух». Все, теперь можно будет плясать и громко петь рядом с этим игроком, он не оторвется от компьютера.

Я подождала пару минут, чтобы хозяин кабинета хорошенько втянулся в игру, потом вошла и, поскольку сидел он ко мне спиной, попросту стукнула его своей прекрасной кийогой по затылку.

– Потом доиграешь, дружище! – прокряхтела я, стаскивая тело с кресла и связывая ему руки шнуром от штор. Вторым таким же шнуром я связала жертве компьютерных игр ноги: мало ли, может он чемпион по ниппонским единоборствам, и одной ногой может сразу троих победить? Не буду рисковать. И те ленты, которыми меня связывали, не стану использовать, больно уж легко я их развязала.

Вот теперь можно и оглядеться.

Полки с книгами, письменный стол, глубокое кресло за ним. Стопка бумаг на столе: какие-то счета, собранные под скрепкой, пара писем, та самая толстая тетрадь. Под бумагами блокнот в пухлой кожаной обложке, похоже на ежедневник. Я бы сказала, что этот кабинет принадлежал купцу или мелкому чиновнику: мебель недорогая, да и никаких магических охранок не чувствуется. Вот только с какой стати кому-то привозит меня в дом некоего купца или мелкого чиновника, чтобы запереть в спальне?

Ладно, поглядим, что есть в столе. Вдруг что-то нужное обнаружится, тогда я займусь грабежом. Я выдвинула ящики стола – документы, какие-то расчеты. О, пистолет! Ладно, я все равно не пойму, заряжен он или нет. С другой стороны, оставлять оружие гипотетическому противнику не хочется.

Осмотревшись, я заметила в стороне, возле книжного шкафа, круглый аквариум на небольшом столике. Вот и славно, проверим мою находку на плавучесть.

Пистолет булькнул и опустился на дно, распугивая ленивых вуалехвостов, а я продолжила осмотр.

В других ящиках стола ничего примечательного не нашлось, нижний вообще оказался пустым.

Нет, минуточку! Вот здесь, в верхнем ящике, что-то не так. Что-то я пропустила. Увеличив освещение и повесив светящийся шарик прямо над ящиком, я увидела сбоку узкую щель

между боковой стенкой и дном. Нашла на столе большую скрепку и попыталась эту щель расширить.

Через пару минут пыхтения и ругательств мне удалось подцепить дно, и оно откинулось вверх. Там был узкий потайной ящик, тоже битком набитый бумагами. Раз прячут, значит, это что-то важное. Не разглядывая – дома изучу в подробностях, я сунула их в сумку, которую человеколюбивые налетчики у меня не отобрали.

Пожалуй, ежедневник и тетрадь тоже прихвачу, пригодится. Что еще тут есть, смотрю быстро, да надо ноги уносить. А то спохватятся похитители, и запрячут меня уже в подвал, из которого так легко не выберешься…

Под ногой скрипнула паркетная шашка. Любопытство заставило меня опуститься на колени и ощупать пол. Паркет, кстати, тут был красивый, выложенный темным и светлым деревом. Да и вообще, мне кажется, что этот дом когда-то любили, растили в нем детей, веселились и горевали. А теперь хозяину, в общем, все равно, что с домом случится завтра…

Ну, хорошо, так что же у нас тут? Одна из паркетин при нажатии приподнялась, и я увидела, что там блестит металл. Сейф? А что, была одно время большая мода на сейфы, вделанные в пол. А если там сейф, интересно, подействует ли на него то же самое заклинание ржавчины?

Я повторила:

– Linyenva asto!

На сей раз, в ржавчину превратился только замок, крепящий несколько паркетных досок, и, откинув их, я увидела массивную круглую латунную крышку с кодовым замком и завинчивающейся ручкой, будто у люка в дирижабле. Ага, вот почему заклинание ржавчины не подействовало. Ну, вот, а я и не знаю, как разрушить латунь. Расплавить, разве что? Но тогда сейф можно и не вскрывать, все равно все внутри сгорит…

Код мне не угадать, в нем шесть цифр. Что ж, значит, сейф останется невскрытым? Я тяжело вздохнула и для очистки совести покрутила ручку. Тяжелая крышка скрипнула и приотворилась, давая мне возможность заглянуть внутрь.

Сейф был практически пуст. Внимательно осмотрев его, я обнаружила две маленьких жемчужины и шелковый платок, в который было что-то завернуто. Так, коробочка, вроде как для небольшого ювелирного украшения. Внутри кольцо: простой тоненький ободок, серебристый – серебро, платина? И голубой камень в тонкой оправе, размером с ноготь моего мизинца. От кольца отчетливо веет Силой. Ура-ура, я и потоки Силы опять чувствую! Коробочку тоже кладем в сумку.

Все, теперь привести в чувство мою жертву, быстренько поспрашивать и бежать. Но приходить в себя хозяин кабинета не пожелал. Не помогло ни похлопывание по щекам, ни вода из аквариума. Неужели я так сильно его стукнула? Я попыталась найти пульс на шее мужчины, и сразу нашла. С перепугу, видимо.

Жив. Ну и ладно, я его не убила, моя совесть чиста.

Внимательно всмотревшись в лицо мужчины, я постаралась запомнить его как можно лучше: шатен, лет тридцать пять – сорок, цвет глаз не разглядеть, ямочка на подбородке. Пожалуй, две особые приметы я смогу сообщить страже: широкий, хорошо заметный шрам на лбу, параллельный правой брови, и уши без мочек.

Все время, пока я шарила в столе, вскрывала сейф и вообще безобразничала, жертва моей кийоги в себя не приходила. Но вот именно сейчас, когда я разглядывала его лицо и запоминала приметы, глаза мужчины открылись. Серо-голубые оказались глаза. Хуже было другое: он очень внимательно на меня посмотрел и, скорее всего, запомнил. Невидимости моей уже пришел конец…

Я зажмурилась и снова стукнула беднягу по многострадальной голове. Буду надеяться, он долго не придет в себя, а когда очнется, не вспомнит моего лица.

Все, надо делать ноги. Очень уж хочется поскорее сообщить Дэну, где я нахожусь.

Дверь из коридорчика на лестницу была открыта. Спустившись на первый этаж, я без труда обнаружила выход и выбралась в небольшой заброшенный садик.

Надо бы, пожалуй, от пыли отряхнуться, а то первый же патруль городской стражи меня арестует за бродяжничество. Под старой яблоней, на ветке которой висело одинокое желтое яблоко, стояла бочка, до краев наполненная водой. Я посмотрелась в это импровизированное зеркало, тяжело вздохнула и полезла за носовым платком. Хоть лицо протереть, а то так любой гном за рудокопа примет…

Я сорвала яблоко и вышла через покосившуюся калитку на улицу. Ни одной живой души, и тихо, как в лесу перед дождем; куда же это они меня завезли? Не так уж много прошло времени, значит, я должна быть все еще в Люнденвике.

Плохо дело. Заброшенные дома, ни в одном, кроме покинутого мною, свет не горит. Во многих окна закрыты плотными ставнями снаружи. Сады заросли травой и какими-то явно неплодоносящими кустами и деревцами. Вот же тьма, неужели это Косой Треугольник?

Косой Треугольник, самый странный район Нижнего города, был внезапно, в один день, оставлен всем его населением. Люди и нелюди (а здесь жили, помимо многочисленных хомо, несколько оборотней и пара ассимилировавшихся орков) оставили все недвижимое имущество – дома, сады и огороды, все, что нельзя было погрузить в телегу и увезти, – и ушли. О причинах такого поступка их, разумеется, не один раз спрашивали городские власти, которым пришлось решать проблему с жильем. Расспрашивали жителей и городские стражники, а затем служба безопасности. Пытались добиться ответа и маги, и представители Королевского совета – но все, покинувшие свои дома, как один человек, не произнесли ни слова о том, что именно они оставили за спиной. При попытке прочтения маги-менталисты наткнулись буквально на стену, и преодолеть ее не смогли.

Было решено обследовать Косой Треугольник – мало ли, какие там могли завестись неприятности? И первыми в поход отправился отряд студентов Магической Академии под руководством декана факультета общей магии; результаты им должны были зачесть как дипломную практику. На обследование района им дали три дня.

Ни один из студентов не вернулся через положенные три дня, что было странно. Еще более странно было то, что и декан не вернулся, и даже не отвечал ни на какие попытки связаться с ним.

На поиски пропавшей группы отправили группу безопасников, усиленную тремя боевыми магами. Студентов они нашли довольно быстро – те весьма грамотно держали оборону в подвале одного из брошенных жилых домов, в лучших канонах боевого магического искусства выставив охранный периметр, усилив его самонаводящимися файрболами и закрыв куполом. Декан был в коме, и, сколько мне известно, так из нее более и не вышел. Студенты же о том, что с ними происходило, молчали вмертвую.

Из Косого Треугольника студенческую группу безопасники вывели легко и просто, а вот когда они попытались вернуться, чтобы всерьез обследовать этот район, по границе его мгновенно выросли все оплетавшие густые колючки.

Спящей Красавицы в этой части города никогда не водилось, поэтому рубить колючки мечом никто не стал. Тогдашнему Главе службы безопасности терять людей не хотелось, никаких жизненно важных объектов в Косом треугольнике не было, поэтому король приказал вопрос закрыть, пока оттуда не полезло что-нибудь совсем уж ненужное. А что, бывали такие случаи, когда безбашенные дроу решили осваивать Истхавенский хребет и по незнанию стронули проклятие Древних…

Район решено было закрыть для посещений, по границе его выстроили ограду, не имевшую ворот, и по периметру пустили наряды стражи. Произошло все это лет двадцать пять – тридцать назад, то есть, еще при прежнем короле, но и по сей день никто из бывших жителей

Косого Треугольника или их потомков не изъявлял желания вернуться и попользоваться брошенным имуществом.

Ну что ж, похоже, что я на собственной шкуре узнаю, почему этот кусок земли был брошен. Главное, чтобы хозяин покинутого мною дома не смог развязаться и вызвать себе подмогу.

Плохо то, что внутри Косого треугольника не работали коммуникаторы, то есть, позвонить немедленно Дэну и закричать «Спасите, караул!» я не могла. Вот почему загадочные похитители даже не стали перетряхивать мою сумку.

– Ну что же, – бодро сказала я сама себе, – определимся на местности и пойдем. Как ни крути, до ограды периметра я должна добраться довольно быстро.

Через час я уже не была в этом так уверена. Да что там, я ни в чем уже не была уверена – за время, прошедшее с момента, когда я выбросила яблочный огрызок, даже одноногий пьяница, потерявший костыли, добрался бы до треклятой ограды. Но сколько я ни оглядывалась, она не мелькала и вдалеке, сквозь скудные желтые листья. Начинало темнеть, снова стал накрапывать дождь, и настроение неуклонно снижалось от отметки «Ща мы их одной левой!» до «Супчика бы горячего…».

Я выбрала возле покосившегося забора лавочку посуше и села. Нужно было подумать, а не гоняться за собственным хвостом.

Итак, включаем логику. Если меня сюда привезли в кэбе – значит, есть дорога. Меня ж не тащили за левую ногу, стукая попутно обо все кусты! Есть дорога, шириной как минимум два метра, и должны быть ворота, дыра, пролом в ограде, через которые этот кэб въехал и выехал. Значит, нужно вернуться к той калитке, из которой я вышла, и искать оттуда следы колес. Дорога мокрая, грунтовая – камнем тут отродясь не мостили. Должны быть следы, нужно просто знать, что искать. Явно на пути к выходу стоит «заворотка», заклинание, не дающее по нему пройти, поворачивающее путника назад. Преодолеть ее очень просто: как только ты понимаешь, что встретилось тебе именно такое заклинание, нужно двигаться вперед, не отрывая взгляда от дороги. Будто по канату идешь.

Разумеется, следы были. Подсвечивая себе в сгустившейся темноте холодным голубым светляком, я дошла до высоких и весьма колючих кустов, неплохо маскирующих здоровенную дырищу в ограде, и просочилась сквозь нее аккурат к моменту обхода патруля городской стражи.

– Ну, ты даешь! – со сдержанным восхищением сказал мне Дэн, распахивая решетку женской камеры городской тюрьмы. – А ведь была вполне приличной девочкой… лет до пяти! И кто бы мог подумать, что ты попадешь под арест за незаконное проникновение на охраняемую территорию, сопротивление задержанию, нанесение тяжких телесных повреждений работникам городской стражи, находящимся при исполнении, нарушение спокойствия… В общем, ужас!

Две дамы сильно облегченного поведения, делившие со мной в последний час эту миленькую комнатку с решетчатой дверью, засвистели и зааплодировали в знак поддержки, и я с гордостью поклонилась в их сторону.

– Спасибо, что вытащил так быстро, – уже серьезно сказала я Дэну, когда мы разместились в его экипаже. – Надо Норберту позвонить, я ж опоздала уже несусветно!

– Я ему уже все сказал, не волнуйся, сразу же, после того, как поговорил с тобой. Тебя ждут в ресторане завтра в обычное время.

– Спасибо, – повторила я.

– Давай, рассказывай, – велел майор Паттерсон. – Во что ты влипла? И кой темный понес тебя в Треугольник?

– Ты знаешь, я и сама пока не поняла. Я всего-навсего поехала вчера в Нижний город за пряностями в чинскую лавку…

Пока я изложила Дэну все подробности своих вчерашних и сегодняшних похождений, мы успели добраться до моего дома и вскипятить чайник. Несмотря на то, что за весь долгий день после завтрака я съела только лишь то самое яблоко, есть мне не хотелось. Вообще-то, наступил классический «отходняк». Меня начало потряхивать от запоздалого страха, холода, понимания того, что никто и никогда бы меня в Косом Треугольнике не нашел, даже королевский маг. Там же не только техника глушится, туда вообще никакие сигналы снаружи не поступают, в том числе и магические! Да и потом, кому бы в принципе пришло в голову меня там искать?

Я сидела в кресле, поджав под себя ноги и держа двумя руками кружку с горячим чаем, куда Дэн щедрой рукой бухнул чуть ли не полстакана моего лучшего келимаса, куталась в плед и старательно растравляла свое ужасное представление о том, что бы со мной было, если бы. Под пледом в собственном кресле было совсем не страшно это делать, а когда я дошла до собственного привидения, изводящего гнусных похитителей стонами, завываниями и звоном цепей, мне и самой стало смешно.

И тут мои мысли как-то сами собой обратились в сторону этих самых похитителей.

– Я так думаю, что эти приключения начались или от банка, или от дома мистрис Робертс, – сказала я. – Непонятно только, почему они меня не пристукнули, а просто затащили в ту дыру и оставили. Как-то это нерасчетливо.

– Ты понимаешь, – Дэн присел напротив с рюмкой келимаса, – любому нормальному человеку или не-человеку очень трудно перешагнуть в себе эту границу: убить разумного.

– Но мистрис Робертс убили, ведь так?

– Да, убили.

– И что, мы уже знаем, как именно?

– Отравили, но, конечно, грибы тут ни при чем. Установлено, что это был растительный алкалоид, не имеющий к грибам никакого отношения. И в таком количестве, что можно было бы дракона в основной ипостаси убить. Я думаю, дело именно в том, что вашу уборщицу отравили, убили на расстоянии. Отравитель не видел, как она умирала, поэтому как бы и не приложил к этому руки. А вот тебя надо было убить непосредственно, будучи рядом, и глядя на получившийся в результате труп.

– Это ты про меня – «труп»? – икнула я от ужаса.

– Эээээ…. Знаешь, я поставлю охрану возле твоего дома. Не возражаешь? И магические сигналки на окна и дверь.

– Я ж не сумасшедшая, чтобы в такой ситуации возражать. Лучше даже не «возле», а в самом доме. Я не настаиваю, чтобы непосредственно в спальне, но рядом. Ну, или так, чтобы я видела их из окна. – А сигналки я и свои добавлю, подумала я. – Вот только я не пойму, чего же они добиваются…

– Поймем. Главное, не было бы поздно…

Проводив Дэна, я развесила сигнальную паутину по всем отверстиям в доме, в которые могло проникнуть что угодно крупнее мыши, трижды проверила механические запоры на окнах и дверях, несколько раз посмотрела в окно, чтобы убедиться, что обещанная охрана на месте, и не спит… Словом, свежеприобретенная паранойя росла и расцветала.

С другой стороны, общеизвестно – если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят.

Повторив эту жизнеутверждающую сентенцию, я отправилась спать. И, как ни удивительно, даже заснула.

Снились мне такие увлекательные кошмары, что даже немного жаль было в очередной раз просыпаться с криком: то за мной по темным улицам Косого Треугольника гонялась толпа скелетов со светящимися красными глазами, то я ухитрялась заблудиться в коридорах королевского дворца и на меня с потолка лился кипяток…

Уже под утро я заснула так крепко, что не слышала ни вызов коммуникатора, ни стука в дверь – проснулась только тогда, когда мои сигналки выдали сирену, с одновременным воплем кого-то пострадавшего.

Как оказалось, когда я не ответила на сигнал коммуникатора, Дэн забеспокоился и послал мальчика-стажера проверить, не украли ли меня еще раз. Добросовестный стажер постучал в дверь, и, не получив ответа, решил зайти и проверить…. Я отключила сирену, отпоила заикающегося стажера успокоительными каплями (а кто бы не дрожал, увидев в темном коридоре огромного мохнатого красноглазого паука? Ну, вот такая у меня получилась охранная сигнализация) и оттерла с его физиономии и куртки светящуюся краску, которой выстрелила в него моя вторая сигналка.

В общем, когда я посмотрела на часы, было уже почти три часа дня, и надо было собираться на работу.

26 сентября 2183 года

Слава всем богам, в ресторане все было как всегда – шумно, суматошно, вкусно. Майя мне едва кивнула, проговаривая губами легкое заклинание над застывающим фисташковым мороженым, Хаким, напротив, страшно обрадовался, схватил за руку и потащил к пряной кладовой, приговаривая:

– Ты где бродишь, тут без тебя жить невозможно, никто не знает, где шамбала! Где можжевельник? Где фенхель? Нету, говорят, надо Лизу ждать! А как ждать, клиент ждать не будет! Мясо ждать не будет!

Я погрузилась в работу – выдавала, взвешивала, отмеряла, растирала и обжигала. Срочно потребовался розовый перец и тертый свежий имбирь для харзуля, это такая очень редкая речная рыба; горячие закуски невозможно было подготовить без трюфельного экстракта и апельсинового желе; свежий базилик кончился, кажется, разом и во всем городе, и нужно было в пожарном порядке придумывать замену; хорошо, что в порыве любопытства я купила в чинской лавке траву периллы в стазисной упаковке (а как еще доставить с другого конца континента, из Наньцзина, эти свежие зеленые листья с бордовой оторочкой?). Ароматом перилла весьма схожа с базиликом, только погрубее. Словом, это был нормальный рабочий вечер, восхитительный в своей непредсказуемости.

Когда первая волна схлынула, ко мне в комнату зашел Норберт.

– Погоди минутку, – попросила я, отсчитывая капли огуречного экстракта. Дело такое, капнешь одну лишнюю, и все блюдо насмарку.

Смешав необходимые ароматы, я закупорила флакон с притертой пробкой, подписала его и отставила в сторону. Отлично, на ближайшие три дня для десерта «Зеленые аллеи» ароматизатор подготовлен, а больше он и не хранится.

Повернувшись к Норберту, я сказала:

– Ты очень кстати. Я тут вчера, пока в банк деньги сдавала, посмотрела на список, что в последнее время заказывали гости. Ты замечал, что стали брать больше вина, в особенности дорогого вина?

– Заметил. А что?

– Да то, что у нас винный погреб размером с сундучок для вышивки! Нужно срочно делать новый, иначе мы рискуем оказаться в ситуации, когда за заказанным вином придется бежать в соседний магазин.

– Где? – Норберт встал с табурета и попытался пройти по моей комнате. Ага, примерно два шага ему удалось сделать, потом помешал холодный шкафчик для трав.

– Что – где?

– Где ты предлагаешь сделать новый винный погреб? Я, когда ресторан проектировал, вообще об этом помещении чуть не забыл, в последнюю минуту мне Дэвид напомнил.

Да, действительно, с погребом проблема. Подвал здания, где располагался «Олений рог», был совсем небольшим, и увеличить его, к сожалению, не было никакой возможности.

– Может, во дворе пристройку какую сделать? – безнадежно предложила я.

– Где у нас двор? Еле-еле хватает места для летней веранды на шесть столиков. Тогда уже проще купить воздушный шар и подвесить над крышей, там и разместить винный… эээ… чердак! – хмыкнул Норберт.

Мы помолчали, представляя себе эту сюрреалистическую картинку: над крышей классического Люнденвикского двухэтажного особняка взмывает ввысь разноцветный воздушный шар, и с него по канату спускается Бернар, сомелье, двухметровый красавец-блондин, зажав в зубах корзинку с бутылками.

– Вообще-то, я похвастаться пришел, – сказал Норберт. – Не знаю, с кем ты во дворце говорила, кроме нашего Дэвида, но на ближайшую неделю у нас на каждый день заказан отдельный кабинет, для нужд дворца.

– Да ладно! Слушай, это здорово. А заказ без имен?

– Пока да. Ну, разумеется, есть жесткие условия. Как без них…

– Какие условия?

– Ну, например, оговорено, что кабинет должен быть угловой; что ежедневно перед открытием ресторана маги Совета будут проверять все вокруг на предмет чего-нибудь, непредусмотренного кулинарными книгами и справочником по этикету.

– Ну что же, – я пожала плечами, – Имеют право. После всех последних приключений я бы сама потребовала тщательной ежевечерней проверки, хотя бы для нашего спокойствия. А кто именно заказывал?

– Штат фрейлин ее величества, госпожа Файролл.

Гвендолен, спасибо, дорогая подруга! С меня причитается лучший шоколадный десерт из репертуара Майи!

– Ясно! Ну что же, это хорошо, мне кажется.

– И вторая хорошая новость, я всех уже порадовал – с понедельника на работу выходит Фред.

– Слушай, прекрасно! Прямо хоть думай о расширении…

– Вообще-то, – Норберт скромно потупился, – я уже подумал. Соседний дом продается вместе с участком земли. Можно было бы сделать еще зал и несколько кабинетов, и летнюю веранду, и сад. И винный погреб настоящий устроить, несколько комнат с разными температурами – для белых вин, для красных, для игристого…

– Ага, не забудь еще, что келимаса и гномьего самогона позавчера заказали столько же, сколько весной брали за неделю! Значит, для них тоже нужны помещения.

– Верно! И комната-сейф для особо ценных напитков! – Норберт мечтательно прикрыл глаза, а я задумалась.

– Еще хорошо бы сделать сигарную с камином, и хьюмидор при ней, – я вздохнула. Отличные все идеи, но, если мы хотим расширять винный погреб, значит, надо начинать посылать кого-то на винные аукционы. Хотя бы в Галлию и Лаций для начала.

– Ну, и пошлем, почему бы нет! Вот только не знаю, продержится ли столько наша популярность?

– Посмотрим, как дела пойдут. Насчет покупки второго здания, ты же не должен принимать решение немедленно?

– Нет, конечно, агент его для нас придержит. Там, кроме нас, особо желающих на него нет, и с этим тоже надо бы разобраться. Но, ты понимаешь, с покупкой, возникает еще одна большая проблема…

– Какая?

– Мой бюджет может не выдержать все это: и покупку соседнего дома, и ремонт с переделкой в новом здании, и поддержание работающего ресторана, винные аукционы вот еще… Надо искать кредит или брать в долю компаньона. – Норберт вздохнул. – А мне, должен тебе признаться, страшно не хочется пускать сюда кого-то чужого. Получается, придется останавливаться на варианте с кредитом, надо полагать, Драхтаугалергн-банк мне не откажет.

Думала я недолго. Норберт ничего не знает о моем финансовом положении, я ни с кем это не обсуждала, но я могла бы купить не только соседнее здание, но и еще десяток домов в Верхнем городе, и у меня после этого еще останутся деньги на новые занавески. Действительно, не хотелось бы, чтобы здесь, в «Оленьем роге», появился кто-то чужой с возможностью командовать, указывать или кого-то уволить. Нам господина Ландорсэля хватило за глаза.

Мне здесь очень комфортно, как было только дома, в Вицнау, в моей комнате на третьем этаже, с видом на снежные пики гор.

– А компаньона ты планируешь брать на какую долю? – поинтересовалась я.

– На сорок девять процентов.

– Давай ровно половину, и я в деле! – и я достала чековую книжку.

27 сентября 2183 года

Пребывание в Косом Треугольнике ничему меня, по-видимому, не научило, и на следующий день я решила выяснить, кто такая леди Линнерс, и может ли она иметь какое-то отношение к нашим неприятностям.

То есть, меня потянуло снова сунуть нос в осиное гнездо.

Вариантов было три: во-первых, спросить у Талины Макдугал об адресе леди Линнерс. Но снова отправляться одной в Нижний город очень не хотелось. Во-вторых, можно было посмотреть, есть ли какая-то информация об этой даме в Сети. И третий вариант – спросить у Гвендолен Файролл, потому что уж кто-кто, а она должна знать всех обитателей Верхнего города, хотя бы просто в силу служебных обязанностей.

Таким образом, естественным путем я решила начать с Сети, а уж если там информации будет недостаточно, задавать вопросы Гвен.

Восхитившись собственной логичностью, я включила компьютер и полезла в мутные волны Сетевых новостей.

Сеть о данной леди выдала удивительный минимум информации: неизвестной давности и кошмарного качества фото, на котором с трудом можно было отличить леди в шляпе от горшка с цветком. Правда, шляпа была знатная, я бы даже сказала – развесистая. Ну, и совсем короткая биографическая заметка, даже без даты рождения: родилась и ныне проживает в Люнденвике, покойный супруг – советник короля по строительству и дорогам.

И все-таки я встречала это имя, Линнерс, причем совсем недавно.

Меня заело, и я стала копаться в своих записях и закладках. И нашла-таки, после чего могла только расхохотаться с облегчением.

Примерно с полгода назад я, по просьбе моего младшего брата Герри, подбирала материалы для его курсовой работы. Работа была посвящена истории строительства и развития дорог в Бритвальде, и именно там мне и попалось имя – но не леди, а лорд Линнерс, обзор развития дорожного строительства в Зеленом Эрине. Двадцать пять лет назад!

Значит, надо полагать, этой леди лет за семьдесят, и вряд ли она развлекается в свободное время отравлением бульонов на ресторанной кухне. Конечно, у нее могут быть родственники, дочь или племянница с тем же именем, я это еще проверю. Но, судя по тому, что Сеть выдавала одну-единственную леди Линнерс, эту дорожку можно закрывать.

Уже этим вечером зарезервированный столик в угловой кабинке был занят тремя дамами в шелковых, расшитых цветами, полумасках. Гвендолен я опознала сразу, и немедленно попросила Майю сделать тот самый шоколадный фондан с малиной и ягодами кармалии, который стоял на первом месте в списке предлагаемых нами десертов. Во-первых, он Майе удавался всегда, во-вторых, вкус получался совершенно божественный. А я помню страстную любовь Гвен к шоколаду еще по монастырской школе, где шоколад нам доставался нечасто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.